Pogosskoĭ, A

Idealy truda kak osnova schastlivaĭ zhizni

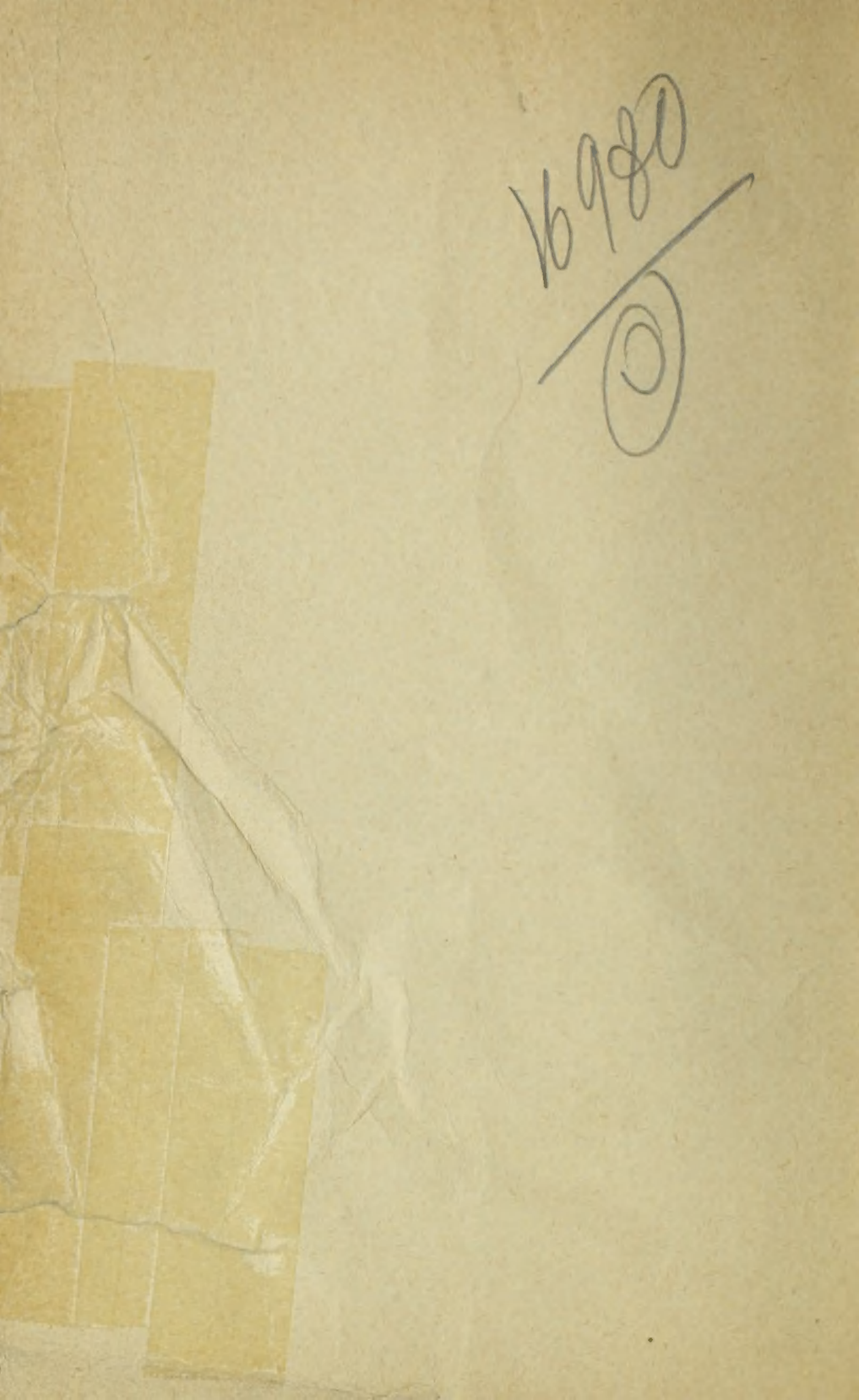
ИДЕАЛЫ ТРУДА

КАКЪ

ОСНОВА СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ.

А. Л. Погосской.

16980

ИДЕАЛЫ ТРУДА

КАКЪ ОСНОВА СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ.

А. Погосской.

Калуга. Типографія Губернской Земской Управы.
1914.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта маленькая по объему, но большая по идеямъ книжка г-жи Погосской является знаменьемъ приближающейся новой эры, когда вся наша жизнь перестроится по новому плану, въ основѣ котораго будетъ не рознь и вражда, а единство и братство, не корысть и конкуренція, а взаимопомощь и кооперація.

Идеи г-жи Погосской о трудѣ опередили запросы большинства, но ее нельзя упрекнуть въ безпочвенномъ идеализмѣ, потому что для нея идеалы и жизненная дѣйствительность спаены въ такое неразрывное единство, которое само по себѣ служитъ гарантіей осуществимости ея идей.

Величайшей задачей нашей эпохи является оздоровленіе всѣхъ областей человѣческой жизни; особенно настоятельно требуетъ такого оздоровленья область труда, такъ какъ именно съ ней стоятъ въ самой тѣсной связи проблемы оздоровленья какъ самого человѣка, такъ и общественной этики. Главная мысль г-жи Погосской сводится къ необходимости измѣнить все наше отношеніе къ человѣческой дѣятельности и признать *любовь* къ труду и *безкорыстіе мотивовъ* дѣятельности краеугольнымъ камнемъ общественной нравственности.

Предлагаемая книжка, изданная авторомъ въ прошломъ году на англійскомъ языкѣ, вызвала къ себѣ вниманіе англійской прессы, отмѣтившей ее какъ интересную попытку освѣтить вопросъ о народномъ трудѣ съ новой точки зрѣнія, соединяющей въ себѣ и высокій идеалъ, и практическую жизнеспособность.

Е. П.

Глава I.

ИСКАЖЕНІЕ ТРУДА.

Во всѣ вѣка, во всѣхъ странахъ, всюду, гдѣ есть жизнь—трудъ есть, былъ и будетъ вѣчнымъ выраженіемъ человѣка, его вѣчной функціей служенія. Нѣкоторые сознаютъ это, другіе—нѣтъ. Иные ищутъ въ этомъ исходъ, черезъ который душа стремится слиться съ Богомъ, и тогда появляются образцы Божественнаго творчества въ картинахъ, поэмахъ, скульптурѣ; а иные берутся за трудъ, какъ жаждущій тянется къ водѣ, не разбирая, подается ли она ему въ хрустальномъ сосудѣ или приходится прилечь къ землѣ и пить изъ ручейка, какъ пьютъ обитатели лѣсовъ, молодой козликъ или лѣсной голубь. А другіе, въ своемъ инстинктивномъ стремленіи выполнить свое назначеніе, послушно нагибаютъ голову подъ ярмо тяжелаго труда, какъ рабочая лошадь или волъ.

Въ глазахъ мыслителя, всѣ эти различія не затемняютъ глубокаго значенія единой, великой идеи человѣческой жизни, великой и святой идеи—*труда*.

Долго, да, слишкомъ долго мы не хотѣли этого понять. Мы играли этой идеей на всѣ лады, мы исказили самое ея основаніе подъ вліяніемъ такъ называемыхъ общественныхъ условій, мы низвели ее до

предмета торговли, сдѣлали орудіемъ жестокости, несправедливости, орудіемъ подчиненія и развращенія.

Тяжело и угнетающе дѣйствуетъ на насъ воплощеніе трагическихъ проблемъ труда, которое отличаетъ настоящую эпоху, проблемъ, надъ которыми глубоко и безнадежно задумываются лучшіе, яснѣйшіе умы нашего времени.

Однако и въ этой сферѣ уже начинаетъ брезжить свѣтъ надежды для тѣхъ, кто способенъ видѣть. Каждый разъ, когда человѣкъ ставитъ передъ собой серьезное рѣшеніе искать правды, возстановить нарушенный законъ—слѣдуетъ удивительное преображеніе: горе превращается въ радость, самыя сложныя проблемы приходятъ въ гармонію и дѣлаются ясны какъ день и такъ же просты какъ самое дыханіе.

Каждый, кто прошелъ черезъ это второе рожденіе или воскресенье, или кто послѣ томительной жизни, полной безплодныхъ усилій и борьбы, наконецъ *нашелъ* себя, тотъ хорошо знаетъ, въ какой степени разъ найденная правда, возстановленная въ жизни, не взирая на то, что приходится жертвовать именно тѣми сторонами, которыя насъ учили считать желанными атрибутами жизни,—въ какой степени вновь найденный и возстановленный благословенный законъ начинаетъ проявлять чудеса, какъ онъ изглаживаетъ хмурыя морщины угнетеннаго труженика, внося въ его жизнь радость и веселіе, какъ недовѣріе, подозрительность и даже ненависть преображаются въ любовь и радушіе, какъ каждый новорожденный день встрѣчается

не съ усталымъ вздохомъ, а съ радостнымъ порывомъ преображеннаго, благодарнаго сердца.

Итакъ, постараемся разобраться въ этихъ важныхъ вопросахъ сообща, постараемся прослѣдить эти запутанныя нити, одну за другой, и найти, гдѣ началась эта путаница; соединяясь въ одинъ дружный хоръ ищущихъ правды въ законахъ труда и жизни, мы, люди всѣхъ странъ и вѣрованій, поможемъ другъ другу въ этой великой задачѣ обновленія. Это дѣйствительно великая задача, которая потребуетъ союза всѣхъ темпераментовъ, исторій, расъ, переживаній, опытовъ. Такой союзъ былъ основанъ 9 іюля 1910 г. въ Англіи въ графствѣ Норфолькъ 26 іюня по предложенію извѣстнаго въ Англіи общественнаго дѣятеля Д. Донлопъ; *) его поддержала популярная общественная дѣятельница г-жа Деспардъ и предложеніе было съ энтузіазмомъ принято собравшимися со всѣхъ концовъ свѣта представителями: Англіи, Ирландіи, Шотландіи, Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, Франціи, Россіи и Америки. Это первое собраніе образовало ядро будущаго, быть можетъ громаднаго и плодотворнаго движенія, и теперь оно посылаетъ свой первый призывъ ко всѣмъ единомышленникамъ, гдѣ бы они ни находились. Примкните къ намъ и помогите обрѣсти истину.

---

*) Союзъ этотъ возникъ по иниціативѣ автора этой книги, А. А. Погосской, которая провела послѣдніе 25 лѣтъ своей жизни въ Лондонѣ.

Говорить ли о современныхъ *аспектахъ* труда? Не самая ли это *больная боль* каждаго мыслителя, каждаго *человѣколюбца?* Сегодня любой труженикъ засмѣялся бы намъ въ лицо, еслибъ мы осмѣлились заявить ему простую истину: «Трудъ долженъ быть единымъ съ любовью». Но, разбираясь во всѣхъ проявленіяхъ хорошаго, полезнаго или талантливаго вдохновеннаго труда,—мы не можемъ не видѣть, что это правда.

Художникъ, выражающій свое лучшее Я въ своемъ «*трудѣ*»—*любитъ* его. Крестьянинъ, шагающій за сохой, *любитъ* поле, товарища-коня, птицъ, которыя порхаютъ стаями по вновь открытой бороздѣ, любитъ солнце надъ головой, рѣчку, которая освѣжаетъ его усталое тѣло, онъ любитъ проносящуюся въ его головѣ мечту о золотыхъ снопахъ близкаго будущаго, онъ любитъ самый запахъ земли и ея плодовъ.

Философъ, который годами собираетъ все новые и новые аргументы и аспекты своей идеи, которая должна итти въ свѣтъ, какихъ бы трудовъ и времени любовь и преданность этой идеи не потребовали отъ него,—любитъ свою идею слишкомъ ярко и горячо, чтобы отпустить ее въ неряшливой одеждѣ; онъ хочетъ видѣть ее столь же прекрасной, какой она являлась ему въ минуты вдохновенія.

Работа *женщины*—безконечное выраженіе ея любви и преданности, въ многообразныхъ аспектахъ ея собственнаго развитія, падаетъ иногда на самые низы простого приготовленія пищи и удобствъ для удовле-

творенія физическихъ потребностей тѣхъ, кого она любитъ, а иногда возвышается до самаго неба, вдохновляя своего избранника и тѣхъ, кого она принесла на свѣтъ, высокими идеалами и добродѣтелями.

Разсмотримъ все это поближе и разберемъ современное развитіе этой важной стороны труда.

Художникъ почти пересталъ искать выраженія самого себя, потому что ему надо *продавать* свои картины, а его идеалъ можетъ не только быть не по плечу покупателя, но даже, будя совѣсть богача, внушать ему непріятное чувство отвращенія. И вотъ художникъ, вмѣсто того, чтобы любовно облечь свою идею и передать ее съ тою же любовью въ свѣтъ, долженъ *унизить* себя, чтобы дать свѣту то, что нравится большинству, передать свой трудъ съ проклятіемъ и ненавистью, такъ какъ въ этомъ обмѣнѣ лежитъ источникъ его униженія и упадка.

Музыкантъ, который когда-то на своей восходящей стезѣ слышалъ пѣніе ангеловъ и самъ сохранилъ въ лучшемъ уголкѣ своего сердца небесныя гармоніи— появляется на эстардѣ. Ухо профана не слышитъ тонкихъ, небесныхъ мелодій. Оно завѣшано страусовыми перьями, свѣтскими сплетнями, затянуто мелочными заботами о себѣ. И вотъ артисту приходится совершать сенсаціонные фокусы музыкальной гимнастики, затмевать своего предшественника, достигать «рекорда» головоломнаго музыкальнаго saltomortale— чтобы проникнуть въ это огрубѣлое ухо. И въ этомъ случаѣ опять нѣтъ мѣста для любви. И ея не можетъ

быть, такъ какъ для этихъ слушателей онъ пожертвовалъ небесной музыкой, вдохновлявшей когда-то его душу.

А гдѣ тотъ, что шелъ за сохой, вдыхая сильный, родной ароматъ матери-земли, весь млѣя въ лучахъ лѣтняго солнца, и мечтая о золотой жатвѣ? Гдѣ онъ теперь? Увы, вы найдете его уже рабомъ машины, онъ уже не поэтъ, не творецъ золотыхъ урожаевъ и красоты, онъ уже не въ мягкихъ складкахъ плаща матери-природы; онъ угнетенъ, обезчещенъ, блѣденъ въ лицѣ и малодушенъ, онъ боится каждаго слѣдующаго дня, онъ проклинаетъ свою судьбу и людей, возвращаясь съ фабрики послѣ рабочаго дня «домой», похожій на тотъ выгорѣвшій шлакъ, который, вмѣстѣ съ золой, вывозятъ ежедневно за стѣны фабрики— отработанный, ненужный, мертвый! И здѣсь нѣтъ любви—нѣтъ выраженія индивидуальнаго, Божественнаго Я, нѣтъ настоящаго, нѣтъ будущаго, нѣтъ даже прошлаго, которое бы можно вспомнить любовно!

Ученый, писатель, гдѣ они теперь? Гдѣ всѣ тѣ, которыхъ сыплетъ на землю щедрая рука подобно тысячѣ сѣмянъ для того, чтобы они проростали, цвѣли и зрѣли въ каждомъ уголкѣ земного шара. Увы! Ихъ мы находимъ усталыми и истощенными работой «не по душѣ», «не по мысли», живущихъ только одной стороной сердца и ума, отрицающихъ свое лучшее Я, дающихъ все, что могутъ дать за деньги, развивающихъ въ свѣтѣ новые вкусы къ низшему и темному. Потому что, принижая себя, мы неминуемо принижаемъ и развращаемъ все, до чего коснемся.

Благословенны тѣ немногіе, которые несутъ свой свѣтъ черезъ мракъ и равнодушіе. Мы всѣ знаемъ, *что* это значитъ и какъ трудно это дается. Это тѣ— которые спасутъ человѣчество.

А гдѣ *женщина?* Ахъ, друзья мои, вотъ гдѣ боль и страданіе!

Что мы сдѣлали съ ней? Что нарушили мы, чтобы заслужить ея горе-горькое!

Какъ это все началось? Когда именно совершилось нарушеніе? Каждый уголокъ земли несетъ свою собственную исторію паденія. И въ этомъ заключается еще одна сторона вопроса, въ которой мы, члены этого братства, можемъ помочь другъ другу. Пусть ирландецъ разскажетъ намъ, когда и подъ какими вліяніями застыла и замерла его кельтская душа и когда выраженіе ея въ этомъ естественномъ исходѣ— трудѣ, сдѣлалось предметомъ торговли. Пусть намъ разскажетъ индусъ, когда пробилъ часъ его униженія и что привело его къ нему? Когда превратились грандіозныя формы его творцовъ—архитекторовъ въ вульгарный современный «стиль», переставшій быть, какъ прежде, символомъ духовныхъ исканій?

Когда это случилось въ первый разъ, что индусская дѣвушка подошла къ колодцу не съ стройной глиняной вазой на плечѣ, а съ фабричной керосинной жестянкой? Когда благородная индусская одежда изъ воздушной ручной ткани, мягкихъ цвѣтовъ растительной окраски, смѣнилась машиннымъ бумажнымъ тряпьемъ отвратительно-яркихъ оскорбительныхъ цвѣтовъ?

Когда мы разыщемъ этотъ моментъ и эту причину, тогда мы найдемъ и поймемъ причину исчезновенія любви въ трудѣ и ту точку, къ которой надо вернуться и направить наши усилія, *вложивъ* въ нихъ *опытъ долгихъ лѣтъ*. Пусть и русскій разскажетъ, куда дѣвалась любовь, которой дышатъ всѣ тѣ старинные образцы труда, которыми и теперь еще полны удаленные отъ коммерческихъ центровъ углы. Нѣтъ, даже и не очень старинные! Еще не такъ давно не было пары рукъ, которая не умѣла бы выразиться на разные лады и въ ткачествѣ, и въ вышивкахъ, и въ рѣзьбѣ по дереву, и въ металлической работѣ, и выразиться языкомъ, говорящимъ о традиціяхъ, вѣрованіяхъ и воспоминаніяхъ древней восточной колыбели. И понынѣ живы еще многіе изъ этихъ людей во всѣхъ углахъ земного шара и они продолжаютъ творить красоту и вносить въ свою работу искреннюю любовь.

Обитатели городовъ утеряли все это потому, что отвернули свое лицо отъ традицій, отъ опустѣлыхъ церквей, отъ своей собственной исторіи. Началась новая тяга къ западной цивилизаціи. Имъ казалось, что все можно было отдать и забыть ради новыхъ западныхъ теченій и новыхъ идеаловъ.

Крестьянинъ потерялъ свое былое отношеніе къ труду другимъ путемъ. Денно и нощно подкрадывался лукавый все ближе и ближе. Его гроши стали требоваться все настойчивѣе и назойливѣе. Они были нужны для войны, для того, чтобы охранять границы страны—границы, вмѣщавшія въ себѣ многіе милліоны

десятинъ, которыхъ онъ, крестьянинъ, не смѣлъ касаться, не смѣлъ превратить въ цвѣтущія нивы и поля, полныя жизни и золотыхъ снопов. Деньги требовались также на содержаніе чиновниковъ и на постройки большихъ и дорогихъ зданій, въ которыхъ они цѣлый Божій день писали ненужныя бумаги и курили ненужныя папиросы. Нужны были деньги и на содержаніе и постройку храмовъ науки, въ которые крестьянину, въ его тяжкихъ хлопотахъ, некогда было не только заглянуть, но и подумать. Все это существовало гдѣ-то въ таинственномъ далекѣ, непонятное, недоступное и темное. А деньги на нихъ все шли и шли. Этотъ сынъ полей, загорѣлый до бронзы на жаркомъ солнцѣ, закаленный крещенскимъ морозомъ, этотъ естественный поэтъ и потомокъ древнихъ богатырей русскихъ—что могъ онъ понять въ этихъ непоглощающихъ, непонятныхъ дѣлахъ? Конечно ровно ничего. Но въ своей привычкѣ повиноваться неодолимымъ силамъ природы онъ гнулъ спину ниже и ниже, утраивалъ свои усилія «добыть, достать» и порой приходилъ въ паническій ужасъ отъ безвыходности своего положенія.

Въ старинное, давнее время, онъ былъ свободнымъ человѣкомъ. Онъ жилъ на Божьей землѣ, любовно обхаживалъ ее, извлекая изъ ея плодовъ все, что ему нужно было для жизни. Золотые урожаи зерна, сливочно-желтый картофель, темно-зеленые, обильные огурцы, краснощекія яблоки и безчисленныя лѣсныя ягоды всѣхъ породъ и цвѣтовъ, сладкія и кислыя,

сочныя и живительныя, и многіе другіе дары лѣса, которые отрадно было собирать въ его гущахъ—все это служило ему пищей.

Шелковистый, зеленый ленъ съ нѣжными голубыми цвѣточками, спускаясь по склонамъ полей вплоть до сочныхъ, напитанныхъ влагой низинъ, какъ богатый коверъ, сотканный эльфами и феями, служилъ ему одеждой, превращаясь въ искусныхъ рукахъ женщины въ холстъ, который становился бѣлоснѣжнымъ подъ горячими лучами солнца.

Маленькіе цвѣты полей, лѣсовъ и луговъ, фантастическіе узоры мороза на крошечныхъ окнахъ избы, всѣ цвѣтовыя гармоніи листвы, переливы осеннихъ облаковъ, всѣ многообразныя настроенія матери-природы, преображенныя прирожденной склонностью женщины къ мистическимъ воззрѣніямъ, эта жизнь среди полей, эти ночи подъ звѣзднымъ небомъ, все это сказалось въ художественной орнаментикѣ одеждъ, выразилось въ цвѣтахъ и символахъ, которые больше чувствовались своими творцами, чѣмъ познавались разумомъ, какъ познается наука.

Женщина уходила въ лѣсъ въ поискахъ душистаго вереска, смолисто-горькой пахучей березы, выкапывала драгоцѣнный корень марены съ ярко-красной серцевиной, собирала ярко-желтую купавку и добывала изъ нихъ свои окраски.

Красный цвѣтъ выражалъ славу Всевышнему. *Желтый* былъ какъ чистое золото ея стремленій къ чему-то высшему, какъ пламя свѣчи, которую она

затепливала въ Церкви, пламя, которое на своихъ огненныхъ языкахъ возносило непроизносимое. А *синій* цвѣтъ василька развѣ не напоминалъ онъ благоговѣнія?

Можно ли удивляться, что эти Божественные дары закристаллизовались въ памятникахъ народнаго творчества древней Россіи?

Все вокругъ примитивнаго жилья человѣка было проникнуто символами Изиды, человѣкъ вглядывался въ таинственныя исполинскія деревья, ждалъ распускающагося на одну ночь цвѣтка папортника, онъ видѣлъ въ лѣсахъ то, чего не видали другіе, онъ слышалъ съ колыбели о могучихъ Силахъ природы и таинственныхъ существахъ: помощникахъ и врагахъ, о такихъ, которыхъ онъ боялся и такихъ, которымъ онъ научился покоряться. Это было непрестанное единеніе и смѣшеніе дѣйствительной жизни съ легендами древнихъ временъ, дошедшими до примитивнаго человѣка изъ доисторической восточной колыбели, и эти образы жили совмѣстно,—иначе какъ бы попала пом-граната на ряду съ морозными узорами на крестьянскія полотенца Сѣверной Россіи?

Современный ученый считаетъ изображеніе помгранаты символомъ царственности. Можетъ быть онъ и правъ. Но индусы принимаютъ его за символъ *слезъ* и вотъ почему передъ похороннымъ шествіемъ въ Индіи всегда несутъ гранату.

А птицы? Эти пернатые стаи всѣхъ цвѣтовъ и голосовъ? Какъ отразились онѣ въ воображеніи кре-

стьянина? Очевидно, птицы самыя таинственныя существа изъ всего живущаго на землѣ. Съ самыхъ древнихъ временъ, когда зарождалась арійская раса, птицы всегда были олицетвореніемъ мыслей или посланій, онѣ-же были и души отошедшихъ. Тысячи сказаній, одно красивѣе другого, живутъ и теперь въ памяти крестьянъ. Эти сказанія полны живописныхъ намековъ въ этомъ направленіи.

Что же можетъ быть болѣе естественнаго, какъ не стремленіе изображать любимый символъ глубокаго значенія на деревѣ, металлѣ, желѣзѣ или серебрѣ, вышивать его шелкомъ и нитками? Даже и теперь въ XX столѣтіи можно найти въ деревняхъ, достаточно отдаленныхъ отъ нивелирующихъ вліяній желѣзныхъ дорогъ, птицъ, вырѣзанныхъ по концамъ стропилъ и на князькѣ крыши, или павлиновъ (символъ жизни вѣчной) на карнизѣ окна, съ «древомъ жизни» между ними. Можно встрѣтить и солонки-уточки и ковши-павлины самой примитивной, но художественной работы—работы не купленной, а излившейся изъ той самой души, которая задумала ее, для себя и для обихода семьи и для прохожаго странника. Тѣ же птички бѣгутъ веселыми стаями или «гуськомъ» по каймѣ скатертей, спускаются на концахъ полотенецъ и украшаютъ церковные аналои; онѣ таинственно выглядываютъ среди складокъ парчевыхъ сарафановъ и блистаютъ золотыми нитями въ кокошникахъ.

И теперь въ этомъ удивительномъ XX вѣкѣ, если взять на себя трудъ сойти съ торныхъ дорогъ, заѣхать

въ какую нибудь деревню сѣверныхъ окраинъ Олонецкой, Вологодской, Новгородской или Архангельской губ. (можетъ быть путешественнику отведутъ какую нибудь свѣтелочку), можно найти подъ домотканной кубовой цвѣтистой покрышкой цѣлыя коллекціи старинной одежды, и тогда поражаешься неожиданностью и несбыточностью этой живой исторіи человѣческой жизни, мысли, символизма—этой сокровенной невыговоренной красотѣ сердца поэта. Да, это поражаетъ какъ откровеніе. Каждый стежокъ вставленъ какъ бы съ благоговѣніемъ и съ той улыбкой, съ какой мать, отпуская свое дитя на прогулку, прикасается въ послѣдній разъ къ его убранству, любуясь и тайно шепча благословеніе.

Да, эти люди чувствовали красоту! Они любили носить чудно сшитыя одежды, они повидимому никогда не жалѣли ни труда, ни времени, чтобы каждая одежда была настоящей поэмой. Это такъ подходило къ обстановкѣ: эти косящатыя оконца, узорчатыя крыльца и луга, и работа на нихъ. А шитье и расшивка ихъ такъ хорошо и живописно заполняли долгіе зимніе вечера.

Слѣдовать этимъ религіознымъ символамъ, возноситься душой въ трудѣ, какъ бы въ непрестанной молитвѣ, было необходимѣйшей потребностью въ эти зимніе долгіе часы, когда веселое солнце такъ рѣдко показывается и душа затемнена зимнимъ заточеніемъ.

Кромѣ того, эта живописная работа, возсоздавая образы и сливаясь и въ тѣхъ и въ другихъ съ пѣніемъ,

которое какъ будто дополняло всю эту сферу,— возстановляло также чудную, лѣтнюю пору, зеленыя поля и благоухающія деревья и яркія одежды матери-природы. Все тогда въ жизни казалось сказкой, сказки становились жизнью. Онѣ сливались воедино.

А теперь надо подойти къ этой темной тучѣ, къ этому врагу разрушителю всего живописнаго въ жизни. Тяжелая эта задача—писать картину разрушенія и разложенія. Но это необходимо, такъ какъ еще и понынѣ многіе не видятъ врага подъ маской цивилизаціи», «совершенствованія», «роста промышленности», «накопленія богатствъ страны». Современный истребитель красоты долженъ быть непремѣнно привлекателенъ, иначе онъ не будетъ имѣть успѣха. Онъ пришелъ тихохонько, онъ подражалъ тому, кто желаетъ добра, свѣта и счастья.

Сначала онъ принесъ машину. Тысячи людей нашли около нея заработокъ. Отцы, братья и мужья пошли первые.

Тяжело казалось женщинамъ разставаться съ ними на цѣлые годы, тяжело было нести всю мужскую работу на тѣхъ же плечахъ, которыя и такъ были обременены непосильнымъ невиднымъ трудомъ крестьянки-матери и землепашицы. Тяжело было не имѣть даже писемъ и ожидать непрестанно ошеломляющихъ вѣстей о смерти или о несчастномъ случаѣ. Закрадывались мучительныя мысли о порванной связи, о соблазнахъ всякаго рода... И вотъ вернулись первые піонеры—но Боже, въ какомъ они были образѣ! Какъ

они измѣнились! Все деревенское имъ было уже не «по вкусу». И даже жены и зазнобушки превратились въ ихъ глазахъ въ глупую деревенщину. Простая пища, лапти, непрестанная ежедневная работа—всё это казалось глупымъ.

Заработки?—да, кой-кто принесъ съ собой почти достаточно, чтобы уплатить подати, но едва-ли достаточно, чтобы вознаградить упущенія въ хозяйствѣ при отсутствіи мужской доли труда. Затѣмъ, надо было имъ и себя показать, покупать дорогое, непрочное платье въ городѣ и ходить по улицѣ съ гармоникой и выкрикивать вертушки-пѣсни, навѣянныя фабрикой! Почти рады были бабы, когда эти гулянки кончились и мужики вернулись въ свои фабрики.

Но сѣмя было брошено. Скоро и женщины нашли дорогу къ фабрикѣ. Кто знаетъ, что влекло ихъ туда? Тѣ ли заманчивыя, модныя тряпочки, въ которыхъ деревенская Дуняша выглядывала по новому, «что твоя барыня», та ли ненасытная жажда свободы, таинственное стремленіе уйти отъ старыхъ укладовъ, соблазны новой, незнакомой жизни, новой одежды, новыхъ нравственныхъ положеній? И женщины ушли вслѣдъ за мужчинами. Многія изъ нихъ нашли больше, чѣмъ искали. Онѣ жили какъ въ кипящемъ котлѣ. Эти здоровые деревенскіе цвѣты свернулись и пали легкой добычей городовъ. Не было никого, кто любилъ бы и защищалъ ихъ для нихъ самихъ, кто уважалъ бы въ нихъ идею женщины и матери. Столкнутыя въ одну общую кучу заблудшей человѣческой

толпы, мужчины и женщины, дѣвушки и подростки—почти дѣти—все это гибло въ фабричныхъ поглощающихъ клоакахъ. Некому было пожалѣть! Раздавались только ругань и порицаніе! И какъ могло быть иначе? Нестерпимо длинные часы работы, дешевая плата, неожиданные штрафы, невѣдомо откуда надвигающееся перемалываніе и выжиманіе всего, что въ нихъ жило—уходила жизнь, женственность, правда. Выжатые до суха, люди выкидывались изъ рядовъ, какъ никуда негодный отбросъ!

Каково было вліяніе на деревенскую жизнь этого второго исхода пахарей на фабрику?

Истощеніе, безнадежность, отчаяніе, меньше и меньше здоровья и силы въ трудѣ. Послѣ долгихъ лѣтъ, развращенные, больные и истощенные странники вернулись домой одинъ за другимъ, присосались снова къ оставшейся семьѣ, наполнили жизнь проклятіями, пили «горькую» и умирали безславной смертью, оставляя за собой недоумѣніе и тупое страданіе.

Что же можно сдѣлать для возстановленія справедливости, человѣчности, счастья и поэзіи жизни? Видно ли намъ, *гдѣ* былъ нарушенъ законъ? Что нужно хлѣбопашцу, гдѣ бы онъ ни жилъ, на берегахъ широкой Волги или священнаго Ганга, въ горахъ Шотландіи или на равнинахъ изумрудно-зеленой Ирландіи? Что же требуетъ возстановленія попраннаго закона? Съ одной стороны—*свободное обладаніе землею того, кто ее обрабатываетъ*; съ другой—*освобожденіе труда отъ заработной платы, безкорыст-*

ный мотивъ труда, трудъ для блага всѣхъ, а не для своей личной выгоды.

Я слышу много голосовъ, яростно нападающихъ на меня, называющихъ меня утописткой, сумасшедшей. Ну какъ же возможно это сдѣлать! говорятъ они на разные лады. Какъ же возможна такая первобытность, вѣдь это подрываетъ священный законъ собственности и государственности. И какъ непрактично желать, чтобы художникъ, проповѣдникъ, артистъ и писатель давали свое лучшее безъ денегъ, ради одной идеи служенія? Какъ же они будутъ жить? Вѣдь они помрутъ съ голода! Нелѣпо и смѣшно!

Да, друзья, я только одна изъ васъ. Въ моихъ рукахъ нѣтъ магическихъ средствъ совершать чудеса, но у меня *есть* эта правда. Если мы поставимъ себѣ цѣлью истину, счастье, любовь къ ближнему, мы *должны* принести жертву, каждый изъ насъ, богатый и бѣдный, вліятельный и смиренный. Мы *должны* подготовить условія, при которыхъ чудо можетъ совершиться. Мы должны выносить этотъ идеалъ глубоко въ нашихъ сердцахъ, забыть куплю и продажу нашихъ духовныхъ даровъ, давать и давать щедро, такъ же щедро, какъ эти сокровища души были дарованы намъ. Только тогда мы услышимъ настоящую музыку, увидимъ вдохновенную работу художниковъ, увидимъ счастливыя лица и только тогда колоссальная армія безработныхъ разсѣется въ темныхъ страницахъ исторіи, только тогда наша будничная жизнь сдѣлается царствомъ Божіимъ.

Я слышу и другіе, полусочувствующіе голоса тѣхъ, которые давно думаютъ тѣ же думы, носятъ въ себѣ те же идеалы. Этотъ золотой вѣкъ можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ настанетъ, говорятъ они, но послѣ многихъ и многихъ поколѣній—длинной эволюціи рода человѣческаго: ни мы, ни наши дѣти, ни внуки не увидятъ его.

На это позвольте мнѣ сказать одно словечко. Поистинѣ, если мы, наши дѣти и внуки будемъ оставаться въ бездѣйствіи, сложимъ руки передъ великой задачей, опустимся у края дороги въ тупомъ отчаяніи, тогда конечно нѣтъ надежды покорить чудище, которое мы создали въ теченіе многихъ поколѣній своими собственными руками, нерадѣніемъ и самоугожденіемъ.

Время настало выйти во всеоружіи на борьбу со зломъ и не давать ему полнаго одолѣнія.

Оно и такъ зашло слишкомъ, слишкомъ далеко. Будемъ ли мы ждать еще большихъ страданій, ниспосылаемыхъ намъ, чтобы привести насъ въ чувство, къ нашимъ обязанностямъ?

Да, полно, не кашмаръ ли это? Если разобрать величайшее современное зло, несправедливость, вслѣдствіи которой одинъ болѣетъ и чувствуетъ себя безпомощнымъ отъ излишнихъ богатствъ, а другой болѣетъ и чувствуетъ безпомощность отъ крайней бѣдности,--изъ чего все это сложилось? Сложилось это изъ темноты, невѣдѣнія, изъ жадности и себялюбія.

Въ сущности же нѣтъ рѣшительно никакой органической невозможности возстановить нарушенную

справедливость. Какъ только мы *проникнемся* сознаніемъ нашего братства со всѣми людьми, мы въ то же время проникаемся отвращеніемъ къ своему собственному преступленію; и тогда единственнымъ, желаннымъ, а совсѣмъ не труднымъ и непривлекательнымъ, явится желаніе дѣлиться, отдавать, быть однимъ изъ братьевъ, а не однимъ изъ ненавидимыхъ.

Глава II.

ЗНАЧЕНІЕ РУЧНОГО ТРУДА.

Въ глубинѣ души мы всѣ знаемъ, что настанетъ день, когда намъ придется измѣнить всю нашу жизнь и что единственно успѣшная дѣятельность въ настоящей стадіи развитія человѣчества можетъ быть только *объединенное дѣйствіе*. Этотъ день долженъ настать.

Точно такъ, какъ на войнѣ тяжелыя пушки и затѣмъ стрѣлы и сабли были замѣнены современными усовершенствованными орудіями на водѣ и сушѣ, а въ самое послѣднее время и на воздухѣ, такъ должны и наши мирныя средства усовершенствоваться, наши методы труда должны улучшаться и измѣняться сообразно измѣнившемуся человѣку. Обращаясь къ практической сторонѣ вопроса, мы увидимъ, что конкуренція двухъ неравныхъ величинъ (машинный и ручной трудъ) происходитъ при неравныхъ условіяхъ: машина опирается на капиталъ, а ручной трудъ истекаетъ изъ бѣдности. Таковъ современный методъ промышленности.

Машина стоитъ денегъ, поэтому за ней тщательно ухаживаютъ и ее берегутъ. Человѣческое тѣло повидимому ничего не стоитъ и потому его плохо берегутъ и о немъ совсѣмъ не заботятся.

Не отсталый ли это методъ? Неужели нѣтъ лучшаго, болѣе гуманнаго?

Въ этой главѣ хотѣлось бы разсмотрѣть тѣ средства, которыя могли бы при *наличныхъ* условіяхъ внести новые методы развитія въ человѣческую жизнь и отвѣтить на вопросъ: возможно ли на почвѣ любви и мудрости создать международными усиліями тѣ условія, при которыхъ «чудо» *счастливаго* труда могло бы совершиться?

Вѣра въ такое творчество — дѣло темперамента. Многіе создаютъ отвлеченные идеалы, которые должны осуществиться гдѣ-то, когда-то, въ далекомъ будущемъ, не представляя себѣ даже возможности, чтобы они могли осуществиться на ихъ собственныхъ глазахъ. И жизнь продолжаетъ итти для нихъ по прежнему, а идеалы продолжаютъ висѣть въ воздухѣ, не прикасаясь къ жизни.

Мысль человѣкъ—такая могучая сила, которая въ состояніи передѣлать не только внѣшнія формы, но и самого человѣка. Если это истина—мы можемъ быть полны надеждъ, такъ какъ люди въ мысляхъ своихъ уже готовы на все, чтобы возстановить попранный законъ, по которому *Трудъ и Любовь едины.* Если это такъ, мы добьемся цѣли, сколько бы ошибокъ и терній не повстрѣчалось на нашемъ пути.

Мы не коснемся здѣсь труда художниковъ, артистовъ, писателей, поэтовъ и проповѣдниковъ. Передъ нами слишкомъ пестрый и запутанный мотокъ; тѣмъ болѣе, что эти люди, приблизившіеся благодаря своимъ талантамъ къ Божественной истинѣ болѣе другихъ, сами давно думаютъ эти думы и готовятъ великую

эпоху громадной важности, которая приведетъ людей къ той же конечной цѣли.

Мы будемъ говорить о тѣхъ, которые страдаютъ и трудятся во всѣхъ углахъ земного шара, трудятся подневольно, до забвенія своей прирожденной свободы, до полной безнадежности въ будущемъ. Въ ненормальномъ напряженіи, къ которому привело ихъ нарушеніе закона равновѣсія, труженикъ потерялъ способность думать, создавать и бороться. Кому-нибудь надо заступиться за него, взять его бремя на себя, надо найти *гдѣ* для него лежитъ избавленіе. Кому-нибудь нужно думать его думу, страдать его страданіемъ. Если этотъ другой найдется, страданіе удалится.

Когда мы слышимъ о лѣности бѣдняковъ, объ ихъ непредусмотрительности, порокахъ, грязныхъ привычкахъ—мы попадаемъ въ страшную путаницу понятій, раздражаемся и теряемся въ противорѣчіяхъ.

Что сказали бы мы о докторѣ, который найдя больного съ симптомами тифа или холеры, впалъ бы въ истерику и убѣжалъ, чтобы не видѣть такихъ ужасовъ? А что означаютъ грязныя привычки, непредусмотрительность и всѣ остальныя аттрибуты нищеты, какъ не симптомы опасной болѣзни, которая зародилась много лѣтъ тому назадъ и которой съѣдаемо человѣчество, какъ организмъ бываетъ съѣдаемъ ракомъ. Ея причины—несправедливость, невѣжество и эгоизмъ; однако ее считаютъ Божьимъ наказаніемъ и отъ нея стараются отдаляться и умывать руки. А въ это время молодыя поколѣнія продолжаютъ вы-

ращиваться въ зараженной атмосферѣ и падать въ ту же пропасть.

Болѣзнь эта имѣетъ множество градацій и степеней развитія. Иногда она появляется въ первомъ поколѣніи вслѣдствіе перемѣнъ экономическихъ условій и неподготовленности къ новымъ условіямъ труда. Нѣтъ заботливыхъ и мудрыхъ рукъ, которыя бы помогли въ непривычномъ трудѣ; нѣтъ защиты отъ окружающихъ эксплоататоровъ, никому нѣтъ дѣла до того, при какихъ условіяхъ производится работа; а потребитель отдѣленъ отъ производителя цѣпью посредниковъ, въ прямыхъ интересахъ которыхъ поддерживать это разъединеніе. Въ этой стадіи болѣзни легко помочь мудрой коопераціей. Но развиваясь дальше, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, пройдя всѣ физисы рабства машиннаго труда, болѣзнь переходитъ въ форму наслѣдственную. Весь организмъ перерождается подъ ея вліяніемъ и труженики теряютъ всякую надежду на избавленіе, всякую надежду на сохраненіе человѣческаго достоинства; идеалъ труда не только затемненъ, но замѣненъ проклятіемъ. Въ такой стадіи болѣзни для излеченія требуются усилія всей націи, проникновенное самопожертвованіе всего народа.

Не мало тружениковъ, которыхъ принято называть въ Россіи кустарями, встрѣчаются и во Франціи, напримѣръ, въ долинѣ Роны, гдѣ царитъ кустарный трудъ. Правда, ихъ игнорируютъ, но тѣмъ не менѣе мѣстность эта представляетъ свой совсѣмъ отдѣльный

мірокъ. Если-бъ вы вздумали предпринять пѣшеходное путешествіе и съ котомкой за плечами обошли деревню за деревней, которыя разбросаны по чудной долинѣ Роны, вы вѣроятно открыли бы не мало чудесъ*). Повидимому, тамъ каждая деревушка носитъ въ себѣ свой особенный характеръ и свое особое творчество. Въ одной—работались трубки, въ другой—скрипки; здѣсь производство скрипокъ во всѣхъ степеняхъ своей эволюціи попадается на глаза повсюду; даже на крышахъ сушатся, бѣлятся и спѣютъ разныя части будущихъ скрипокъ. Далѣе находимъ фабрику, которая вырабатываетъ только одно безформенное вещество — целюлоидъ, а вокругъ нея группу деревень исключительно занятыхъ претвореніемъ этой массы въ различные полезные или элегантные предметы всемірнаго рынка, имя которымъ—легіонъ. Здѣсь кустарь, окруженный дѣтьми, съ вѣчной трубочкой во рту, поливаетъ по вечерамъ въ своемъ собственномъ саду салатъ и душистый горошекъ. Здѣсь пахнетъ довольствомъ и независимостью.

Есть группа деревень въ Австріи, гдѣ старинное искусство рѣзьбы по дереву возродилось съ новой силой благодаря энтузіазму и дѣятельности нѣсколькихъ лицъ, которыя захотѣли возродить традиціонныя ремесла отцовъ и наполнили мѣстность веселымъ шумомъ мастерскихъ и ремесленныхъ школъ.

*) Французскій писатель Ардуинъ Дюмазо описалъ въ 27 томахъ свое путешествіе по провинціямъ Франціи.

На почвѣ старыхъ традицій и XX вѣкъ отражаетъ свои новыя идеи и свои новыя переживанія. Весь бытъ въ такихъ деревняхъ еще полонъ характерной красоты. Стоитъ лишь пойти въ воскресный день въ церковь. Вотъ молодая мать, загорѣлое, славянское лицо которой выглядываетъ изъ расшитаго бѣлаго головного убора необыкновенной живописности; въ ея рукахъ дитя, одежда котораго — чудо искусства и техники. Покрывало на ребенкѣ въ сущности напоминаетъ церковную вышивку, такъ символичны его рисунки. Трудно вѣрить глазамъ, глядя на такую ручную работу въ двадцатомъ столѣтіи. Народному искусству, находящемуся въ такой стадіи развитія, возможно еще помочь, ему *слѣдуетъ* помочь. И невольно думается о томъ, какой грѣхъ разрушать эти прекрасные и поэтическіе образы.

Думается, какая польза была бы для всѣхъ, если бы мы позаботились о томъ, чтобы сохранить все то прекрасное, что намъ осталось отъ прошлаго, всю его превосходную технику. Такъ же какъ въ изученіи древнихъ религій мы находимъ ключъ къ познанію истинной религіи будущаго, такъ и въ изученіи труда всѣхъ націй мы находимъ ключъ къ красотѣ труда будущаго. Быть можетъ, какъ необходимо было многимъ пройти черезъ стадію полнаго безвѣрія, такъ и идеѣ труда необходимо было пройти черезъ циклъ машиннаго производства, машинной оптовой жизни, чтобы оцѣнить и полюбить красоту и благородство индивидуальнаго творчества.

Помощь нужна для *защиты* труженика во время опаснаго перехода отъ труда — какъ естественнаго выраженія духа—къ труду, какъ производству товаровъ ради заработка.

Когда равновѣсіе возстановится,—а это равновѣсіе должно наступить, когда измѣнится наше отношеніе къ землѣ и идея братства осуществится въ жизни,—землепашцу не понадобится производить никакихъ другихъ товаровъ, кромѣ зерна. И тогда, живя въ гармоніи съ природой, зимой, когда земля отдыхаетъ и набирается силъ для будущей дѣятельности, и землепашецъ, послушный велѣніямъ природы, будетъ отдыхать и набирать силы; а въ это время его поэтическій талантъ, его старинная сила творчества, временно убитая машиннымъ вѣкомъ, снова проснутся, снова расправятъ могучія крылья и внесутъ новые элементы въ пробудившееся сознаніе.

Взглянемъ на нѣкоторыя формы народнаго труда въ Россіи.

Вотъ маленькій, старинный городокъ. Его главная улица мало чѣмъ отошла отъ деревни; нѣсколько каменныхъ домовъ, лавочки, булочныя, торговая площадь, нѣсколько заброшенныхъ складовъ и старинная построечка, съ темной, поросшей мохомъ крышей, съ неизбѣжными вѣсами, на которыхъ по торговымъ днямъ мужики взвѣшиваютъ свои возы съ сѣномъ и прочими деревенскими продуктами. Этотъ городишко окруженъ пестрой толпой лачугъ и домишекъ, которые расходятся отъ него по всѣмъ направленіямъ и эти невзрач-

ныя сѣрыя лачуги содержатъ въ себѣ болѣе многочисленное населеніе, чѣмъ самый городъ. Городокъ стоитъ на быстрой рѣчкѣ и когда-то былъ бойкимъ хлѣбнымъ центромъ, но желѣзнодорожная система перенесла этотъ центръ въ другую округу и все торговое значеніе городка рухнуло, хлѣбные склады опустѣли, а пригородные жители, которые когда-то имѣли постоянный заработокъ, очутились въ безвыходной нищетѣ. Ни земли, ни заработка; трудъ ихъ больше никому не нуженъ.

Въ тѣ унылые, горкіе дни, побѣда выпала на долю женщинъ. Одна за другой, онѣ взялись за вышиванье золотомъ, за узорное тканье и кожаныя издѣлія. Эти ремесла процвѣтали когда-то въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ. Скоро эти церковныя вышивки видоизмѣнились въ болѣе ходовыя издѣлія, вродѣ туфель, поясковъ, подушекъ и т. д. Товары эти продовались въ московскихъ и петербургскихъ магазинахъ. Впослѣдствіи къ этимъ работамъ присоединилось еще новое производство значковъ для военныхъ мундировъ. Заказы шли отъ военнаго министерства, черезъ посредниковъ-купцовъ; долгіе годы существовала эта работа, но никогда никто изъ окружающихъ не поинтересовался узнать, какъ она велась и какъ оплачивалась. Ни администрація, ни земство, ни ближайшіе сосѣди горожане не находили нужнымъ вникать въ это. Труженики были на лицо, и нельзя было не видѣть у каждаго окна склонившихся надъ пяльцами лицъ, а въ блестящихъ магазинахъ Петербурга не замѣтить

ихъ роскошныя работы, выставленныя за зеркальными стеклами. Но никому не приходило въ голову узнать, какъ этотъ трудъ оплачивается; это равнодушіе лѣниво-мыслящихъ людей всюду служитъ краеугольнымъ камнемъ для эксплоатаціи и для сопровождающаго эксплоатацію упадка. Этотъ вампиръ явился и въ нашъ городокъ, впился въ его жителей, сжимая ихъ все крѣпче и крѣпче, а жертвы не унимались и требовали работы.

Въ одинъ прекрасный день новая эра озарила обитателей городка. Первый лучъ состраданія былъ брошенъ однимъ добрымъ человѣкомъ, членомъ мѣстнаго земства. Его озарило сознаніе, что прямой его обязанностью было войти въ разсмотрѣніе этого дѣла, узнать какъ обслужены тѣ самыя единицы обложенія, съ которыми имѣетъ дѣло его собственное земство. Онъ отправился на изслѣдованіе изъ дома въ домъ, и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ собралъ, заставили его задуматься, глубоко задуматься. Ему показалось, что онъ погрузился въ самый адъ, въ какой-то вертепъ грѣха, въ которомъ преступники дѣйствуютъ открыто и безнаказанно, подчиняя все и всѣхъ силѣ широкаго кармана, и рѣшительно никому не было ни малѣйшаго дѣла до всего этого. Паукъ пользовался своей прерогативой заматывать и высасывать слабо шевелящуюся муху.

Добрый человѣкъ думалъ и думалъ, и наконецъ рѣшился дѣйствовать въ Петербургѣ и отправился въ военное министерство. Между тысячью мелкихъ и круп-

ныхъ колесъ и винтиковъ этой громадной машины розыскалъ пружину, справлялся, хлопоталъ, убѣждалъ, наконецъ получилъ подрядъ на значки, запасся моделями и матеріаломъ и вернулся въ свой старомодный городокъ. Прежде всего онъ нанялъ приказчицу для раздачи и получки работы. Такимъ образомъ въ мѣстномъ земствѣ возникла еще новая дѣятельность, новая нива труда и любви. Работа закипѣла, какъ въ отроившемся громадномъ ульѣ съ молодой маткой. Въ концѣ этого періода добрый человѣкъ снова поѣхалъ въ столицу, повезъ готовый подрядъ и принялъ новый.

Вотъ тутъ и случилось настоящее чудо. Денегъ оказалось гораздо, гораздо больше того, чѣмъ требовалось для уплаты кустарямъ. Онъ сдѣлалъ соотвѣтствующую надбавку къ заработной платѣ, кустари усердно крестились, но, умудренные опытомъ, затаили свою радость въ глубинѣ своихъ терпѣливыхъ сердецъ.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ, еще одна поставка значковъ, еще наростающая прибыль и опять надбавка. Въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ, прикрѣпленномъ веревочкой къ витринѣ превосходныхъ издѣлій, отчетѣ, который я читала съ увлеченіемъ, какъ какой нибудь интереснѣйшій романъ на Всероссійской Выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ—почтенный земецъ описалъ этотъ періодъ дѣятельности, и закончилъ его такими словами: «наконецъ заработная плата мастерицъ поднялась до 60 коп. въ день, послѣ чего мы нашли невозможнымъ повышать ее, образовали изъ остающихся денегъ фондъ и открыли Земскій Кустарный Отдѣлъ». Нанятъ былъ

отдѣльный домъ, приглашены служащіе и открыто кружевное производство, при чемъ воспроизводились старинные рисунки кружевъ, по коллекціи, сохранившейся у мѣстнаго любителя. Въ настоящее время, послѣ постоянныхъ улучшеній и расширеній, этотъ центръ производства выросъ и окрѣпъ, къ усиліямъ земства присоединили свои усилія и художники, открытъ былъ оптовый складъ и товары его расходятся не только по всей Россіи, но вывозятся и заграницу.

Я не хочу этимъ сказать, чтобы примѣръ этотъ былъ идеаленъ, и что не могло быть лучшихъ путей, но упоминаю о немъ съ благодарнымъ чувствомъ, т. к. онъ показываетъ, какъ много можно сдѣлать даже и при существующихъ коммерческихъ условіяхъ трудового рынка. Примѣръ этотъ внушаетъ надежду и указываетъ пути, по которымъ могутъ совершенствоваться и производство, и сбытъ ручныхъ издѣлій.

А вотъ другой уголокъ ручного труда, въ которомъ царитъ мракъ, гдѣ ничье любящее сердце не озаряло лучами состраданія забытой нивы, вслѣдствіе чего всѣ ея поросли зачахли, а цвѣты не имѣютъ силы даже раскрыться. Эта мрачная, безплодная пустыня, въ которой движутся полуживые люди, представляетъ собой большое село съ группой деревень вокругъ, на берегахъ Волги. «Малоземельемъ» называется болѣзнь, общая всѣмъ жителямъ этой округи. Давно уже пришлось крестьянамъ взяться за отхожіе промыслы. Дома оставались однѣ женщины и дѣти. Онѣ всѣ съ давнихъ поръ были кружевницами: старыя, и молодыя, и дѣвочки

съ семилѣтняго возраста. Скупщики или, лучше сказать, цѣлая система скупщиковъ свила себѣ тамъ прочное гнѣздо, затягивая петлю крѣпче и крѣпче. Все дешевле и дешевле платили за работу. Кружева выплетались все хуже и хуже, и обѣ стороны старались обмануть другъ друга. Кружевницы едва могли заработать на одинъ только ржаной хлѣбъ, едва могли получить пять коп. въ день. Наконецъ эта система погубила сама себя, какъ это бываетъ со всякимъ зломъ. Кружево дѣлалось такъ плохо, что и дешевизна не могла привлечь покупателей и все производство, занимавшее нѣсколько тысячъ человѣкъ, рухнуло. Статистика не регистрируетъ факторовъ такихъ драмъ, какъ женщины и дѣти болѣютъ, какъ они чахнутъ, умираютъ; никто изъ внѣшняго міра не знаетъ, не хочетъ знать этихъ факторовъ....

Во время этого жестокаго періода нѣкоторымъ изъ женщинъ удалось достать небольшіе заказы на дешевую строчку, одна или двѣ заработали кое-что на этихъ заказахъ. Эта вѣсть прозвучала, какъ призывная труба. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль строчка распространилась по селу и близъ лежащимъ деревнямъ, какъ оспа. За каждымъ окномъ можно было видѣть склоненныя надъ пяльцами лица женщинъ. Скупщики снова появились. Правда, они пришли съ ничтожной платой, но и это давало жизнь. Скупщики требовали готоваго для продажи товара. Бѣдняки не могли затратиться даже на нитки и на нѣсколько аршинъ бумажной матеріи. Это послужило основаніемъ

для новаго подраздѣленія. Тѣ немногіе, которые могли затратить деньги на матерьялъ, брали заказъ и сдавали за болѣе дешевую плату бѣднѣйшимъ работницамъ. Затѣмъ нашли еще болѣе выгодную операцію— эксплоатацію дѣтскаго труда. Скупщица—часто и сама неимущая горемыка—закупала матеріалъ и производила первую, самую трудную часть работы сама, устанавливала пяльцы во всю длину своей избы и брала дѣвочекъ для послѣдующей механической работы. Одинъ только сортъ шва шился цѣлыми днями при плохомъ освѣщеніи изъ маленькихъ оконъ и цѣлыми вечерами, при слабомъ свѣтѣ дешевой керосиновой лампы, изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, съ перваго дня года, до послѣдняго его дня, всю жизнь, все тотъ же самый однообразный шовъ. Склонясь надъ пяльцами, сидя тѣсными рядами, бокомъ, такъ, что одна только правая рука помѣщается на пяльцахъ, съ блѣдными какъ бумага лицами, сидятъ эти молодыя жертвы «цивилизаціи», сидятъ и сейчасъ за своей некрасивой, однообразной работой и выпускаютъ ее въ свѣтъ въ очень плохомъ исполненіи, и она все же находитъ себѣ покупателей не только въ Россіи, но и заграницей, благодаря своей необыкновенной дешевизнѣ.

И однако тѣ же женщины могли бы зарабатывать въ десять разъ больше, еслибъ нашлась добрая душа, которая взяла бы на себя заботу о судьбѣ малыхъ сихъ, дала бы имъ защиту и знаніе. Скупщикъ, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ существуетъ въ настоящую минуту въ Россіи, можетъ доставить лишь деше-

вый рынокъ, онъ не способенъ совершенствовать, вносить новыя идеи и увеличивать сбытъ издѣлій. Въ его распоряженіи лишь грубые методы и единственное его оружіе—дешевизна и эксплоатація.

Я не сомнѣваюсь, что въ любой странѣ одинаковыя условія и одинаковыя причины должны порождать одинаковые результаты. Мы знаемъ объ эксплоатаціи ручного труда въ Англіи (Sweating System) *) изъ прекрасной книжки д-ра Кумарасвами «Миссія Востока **) и мы убѣждаемся, что то-же самое происходитъ и въ Индіи.

Тысячи такихъ примѣровъ можно-бы привести, но и сказаннаго достаточно для постановки вопроса: какимъ образомъ помочь труженикамъ?

Со временемъ мы можемъ заняться этимъ и детально, брать одно производство за другимъ и обсудить спеціальныя нужды и условія каждаго. Теперь же мнѣ хотѣлось бы лишь указать на общее направленіе помощи, какъ она практикуется въ настоящее время въ Россіи.

Въ Россіи обыкновенно думаютъ, что помощь должна состоять въ *обученіи* техникѣ того или другого производства. Въ центрѣ какого нибудь женскаго кустарнаго производства открываютъ школу, приглашается дешевая учительница изъ Петербурга, прошедшая трехлѣтній курсъ даннаго ремесла, по окончаніи

---

*) См. The Sweating System of England by Clementina Black.

**) Message from the East—by Dr Coomaraswamy. Madras. India.

обученія грамотѣ въ сельской школѣ, и ничего болѣе. Нерѣдко это бываетъ неразвитое, неспособное существо, безъ малѣйшей идеи о томъ, *какъ* учить ремеслу. Иногда на мѣсто инструктора попадаетъ по протекціи какая нибудь иностранка, модистка или неудачливая гувернантка. И вотъ вновь открытая ремесленная школа съ своими готовыми дешевыми городскими уставами, внѣдряется въ чуждый ей крестьянскій міръ, жизнь, исторія и традиціи котораго для представителей городской цивилизаціи совершенно непонятны. Школа вноситъ западные методы, а крестьянство живетъ восточными традиціями. Обученіе касается лишь внѣшности, старыя традиціи относятся къ сущности вещей.

Школа не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, что жило въ данной мѣстности до ея появленія и каковы были въ этой мѣстности традиціи и методы. Никому этого и въ голову не приходитъ. А между тѣмъ, могло быть и такъ, что бабушки и даже матери настоящихъ учeницъ обладали мастерствомъ съ тысячелѣтнимъ прошлымъ, и столь сложной и символической техникой, что ни одна изъ новыхъ учительницъ не въ состояніи была бы скопировать образцы этой техники *). Еслибъ дѣти были оставлены въ рукахъ матерей—при условіяхъ правильной поддержки сельскихъ ремеслъ и обезпеченнаго сбыта — они сдѣлались бы

*) Интересующимся этимъ вопросомъ предлагаю ознакомиться съ «Мордовской орнаментикой» д-ра Геккеля (Гельсингфорсъ, цѣна 25 р.) и въ то же время взглянутъ на работы черемисокъ, учeницъ Казанской ремесленной школы.

такими же искусными работницами, съ дѣтства вдыхая атмосферу выработаннаго вѣками красиваго труда и принимая въ немъ неминуемое дѣятельное участіе.

«Если судьба поставила васъ въ положеніе руководителя», говоритъ Джонъ Рёскинъ, «и вамъ предоставленъ выборъ метода воспитанія, прежде всего изслѣдуйте *чѣмъ* занимались люди, которыхъ вы хотите учить и поддержите ихъ въ этомъ, научите ихъ дѣлать свою привычную работу лучше. Не ставьте другихъ превосходствъ передъ ихъ глазами, не нарушайте ихъ благоговѣнія передъ прошлымъ, не воображайте себя призванными разсѣять ихъ невѣдѣніе или предразсудки; учите ихъ кротости и правдѣ; собственнымъ примѣромъ освободите ихъ отъ привычекъ завѣдомо нездоровыхъ и унизительныхъ; но больше всего, чтите мѣстныя традиціи и наслѣдственныя искусства».

Зная все это, зная цѣну традиціоннаго символизма и врожденнаго художественнаго вкуса, тяжело смотрѣть на результаты школьнаго ремесленнаго обученія. Все въ немъ хаотично и случайно. Какая нибудь машинная «отдѣлка», давно вышедшая изъ моды, какая нибудь бездѣлка art nouveau *), которыя фабрикуются милліонами, чтобы пощеголять недѣлю-другую въ «высшемъ свѣтѣ» и спускаться затѣмъ ниже и ниже въ груды разныхъ «дешевокъ»; какой нибудь интересный эффектъ машиннаго ткачества—модный сегодня и отброшенный въ хламъ завтра—все это можетъ прель-

*) То, что въ Россіи называется «декадентствомъ».

стить провинціальныхъ кустарныхъ дѣтелей, и становится «образцами» для школъ и учебныхъ мастерскихъ.

Въ моей памяти сохраняется множество примѣровъ расцвѣтанія и паденія мимолетныхъ производствъ, и увы! много сказаній объ ихъ хиломъ дѣтствѣ и неправильномъ, искалѣченномъ ростѣ. Постороннему наблюдателю все это представляется хаосомъ, но человѣку, живущему въ этомъ мірѣ труда, оно говоритъ другое. Причина этого печальнаго положенія народнаго труда коренится въ разрозненности.

Труженики, руководители, созидатели и потребители не связаны между собой необходимымъ единствомъ. Они не знаютъ другъ друга, они бродятъ въ потемкахъ, не сознавая, что они—члены одного общаго тѣла, дѣйствующіе по одному общему закону, что они не могутъ существовать одни безъ другихъ. Вмѣсто планомѣрной гармоніи-- хаосъ, безпорядокъ, рознь. Что же иное можетъ быть въ результатѣ, кромѣ упадка и нищеты?

Гдѣ нибудь въ далекой деревнѣ, является мѣстный дѣятель или дѣятельница, собираетъ крестьянъ и раздаетъ имъ работу, иногда для какой нибудь городской фирмы; въ другой мѣстности какая нибудь добрая душа съ наилучшими намѣреніями, живя круглый годъ въ деревнѣ и побуждаемая неурожайнымъ годомъ, начинаетъ давать заказы крестьянкамъ въ духѣ филантропіи. Кто либо изъ ея друзей того же направленія раскупаютъ эти издѣлія и стараются распространить ихъ. Какая нибудь случайная протекція помагаетъ добыть

ежегодную стипендію и вотъ пущено въ ходъ новое производство! Оно можетъ кончиться очень печально въ томъ случаѣ, когда нѣтъ знаній и производятся негодные для продажи товары; иногда же получается неожиданной успѣхъ, въ особенности, когда иниціаторъ не столько учитъ, сколько самъ вникаетъ и старается вызвать лучшія традиціонныя способности работницъ, ихъ сильныя, характерныя черты. Подобныя издѣлія пробираются заграницу и продаются по высокимъ цѣнамъ.

Среди крупныхъ центровъ народнаго труда та же обособленность. У насъ есть и земскіе, и общественные, и частные склады и мастерскія, есть и акціонерныя предпріятія, и множество мелкихъ начинаній по всей Россіи. Есть люди, жаждущіе направлять, учить, служить посредниками, есть скупщики всевозможныхъ сортовъ и направленій, а за ними сотни тысячъ тружениковъ, и всѣ они бредутъ врозь. Это уже не случайное, минутное, переходное положеніе, а фактъ, отъ котораго никуда не уйдешь. Онъ тутъ, передъ глазами, хаотичный, вопіющій и требующій помощи. Цѣнный опытъ одного теряется въ пространствѣ за спинами тѣхъ тысячъ, которымъ этотъ опытъ необходимъ; ошибки другого повторяются безсознательно третьимъ. Знанія, пріобрѣтенныя большими жертвами и усиліями, пропадаютъ безслѣдно.

Если таковъ результатъ разрозненности въ одной и той же странѣ—насколько же ощутительнѣе онъ въ международномъ опытѣ? На сколько безъ сравне-

нія меньше мы знаемъ о вкусахъ чужихъ странъ и объ ихъ потребностяхъ, какъ мало знакомы мы съ заграничными рынками! А между тѣмъ XX столѣтіе отошло далеко отъ XIX-го и міръ дѣлается все меньше и меньше. Въ старину мы говорили о границахъ нашей деревни, потомъ губерніи, а теперь пора изучать чужія страны, понять свою международную миссію и присоединить и свое творчество къ международному трворчеству!

Русскій провинціалъ равнодушенъ къ характернымъ чертамъ и символамъ своей родной округи, а привезите ему японскія, индусскія, или французскія и испанскія издѣлія и посмотрите—какое создается возбужденіе! Англичанкѣ быть можетъ надоѣли британскіе, когда то нравившіеся товары, красующіеся въ окнахъ Бондъ-Стритъ, но глаза ея притягиваются какъ магнитомъ оригинальными русскими издѣліями, которыя новы и интересны и для глаза, и для ума. Совершенно естественно и намъ примѣняться къ новымъ временамъ. Мыслитель хорошо понимаетъ значеніе международныхъ тяготѣній. Пути къ общей цѣли все болѣе и болѣе переплетаются, а тѣ, которые идутъ по этимъ путямъ, становятся все болѣе и болѣе братьями, все болѣе нуждаются другъ въ другѣ.

Международный Союзъ ручного труда пытался проложить первые пути единенія между разными странами. Онъ можетъ разрастись по всему свѣту, внести новую ноту, новое служеніе и набирать силы черезъ каждую изъ своихъ вѣтвей, дѣйствуя съ помощью дружескихъ рукъ по всѣмъ уголкамъ земли.

Центральнымъ узломъ Союза могъ бы служить Лондонъ. Этотъ центръ можетъ привлечь ручной трудъ со всѣхъ странъ свѣта и раскрыть новыя сокровища для ищущихъ красоты и оригинальности, для изслѣдователей, ученыхъ, этнографовъ, коллекціонеровъ, просто свѣтскихъ женщинъ и хозяекъ. Изъ этого средоточія обмѣна издѣлій ручнаго труда могутъ протянуться нити по всему свѣту, направляя англійскія, индусскія и другія издѣлія въ Россію, а русскія, венгерскія и др. въ Индію, при чемъ все безконечное разнообразіе національностей всего міра объединилось бы въ одной общей идеѣ святости и красоты труда. Для дѣятелей и распорядителей въ сферѣ ручного труда эти международные склады послужатъ источникомъ вдохновенія, а для труженниковъ — такимъ мѣстомъ сбыта, гдѣ они будутъ прямыми участниками и гдѣ найдутъ умѣлое и внимательное отношеніе.

Въ настоящую минуту идея труда, основаннаго на любви и единеніи, кажется еще утопіей, витающей гдѣ то въ облакахъ, но таковой была любая прогрессивная идея наканунѣ своего осуществленія въ конкретномъ мірѣ. Если человѣчеству суждено прогрессировать, идеи единенія должны неизбѣжно придти къ осуществленію, и тогда эволюція международнаго обмѣна можетъ принять неслыханные размѣры. Международное склады ручного труда начнутъ расти и они разольются по всему свѣту настолько же шире, насколько идея международности шире мѣстной, провинціальной обособленности. Заброшенныя ремесла и

производства снова войдутъ въ силу и мечта о возможности «сѣсть на землю» или мечта англичанъ о «small holdings», (мелкіе участки), которые теперь не въ состояніи прокормить семью круглый годъ—осуществится, и тогда и города освободятся отъ скученности, которая въ настоящее время принимаетъ такіе угрожающіе размѣры.

Глава III.

ЗАЧѢМЪ ВОЗВРАЩАТЬСЯ КЪ РУЧНОМУ ТРУДУ?

Человѣкъ, заснувшій 50 лѣтъ тому назадъ и проснувшійся въ наше время, былъ бы пораженъ происшедшей перемѣной въ сознаніи и въ поступкахъ людей. Человѣчество какъ бы «повернуло за уголъ», сбросило цѣпи матерьялизма и, взмахнувъ крыльями, рванулось вверхъ. Не удивительно, что такая громадная перемѣна вызываетъ небывалыя затрудненія и не только въ индивидуальномъ прогрессѣ, но и въ жизни народовъ. Примѣняясь къ этимъ новымъ стремленіямъ, мы какъ бы превращаемся въ другія существа, измѣняясь капля по каплѣ во всемъ своемъ составѣ. Новое освѣщеніе, новое пониманіе; вся жизнь и трудъ всего міра требуютъ переоцѣнки всего прежняго.

Въ XIX вѣкѣ мы цѣнили наши усилія степенью успѣха и большинство трудилось для славы или денегъ. Кое гдѣ появлялись отдѣльныя свѣтлыя личности, которыя не придавали этому значенія, давали свой трудъ ради любви къ человѣчеству. Кто бы они ни были, люди высокаго положенія или простые крестьяне, память о которыхъ жила лишь въ тѣхъ, кому они отдавались беззавѣтно, никто изъ нихъ, по крайней мѣрѣ при ихъ жизни, не пользовался истинной

оцѣнкой міра, такъ какъ міръ еще не былъ готовъ воспринять ихъ значеніе.

Не мнѣ рѣшать насколько измѣнился и ушелъ впередъ человѣкъ, но я чувствую, что насталъ часъ, въ который мы можемъ начать сознательную провѣрку нашего отношенія къ труду, который есть истинное выраженіе человѣка, и попытаться распутать вѣками нароставшія ошибки.

Если трудъ есть выраженіе души, если земная жизнь есть средство эволюціи, то *трудъ долженъ быть соединенъ съ любовью.* Всякое другое мѣрило уведетъ насъ отъ прямой дороги къ прогрессу.

По существующему современному порядку, трудъ раздѣляется на два совершенно опредѣленныхъ класса: 1) профессіональный трудъ артистовъ, художниковъ, писателей, ремесленниковъ, чиновниковъ, купцовъ и т. д., а также тяжелый трудъ такъ называемыхъ «чернорабочихъ», за который платятъ деньги и 2) громадная сфера труда, за который денегъ не платятъ; къ послѣдней принадлежитъ трудъ людей, который дѣлается по прирожденной любви къ нему, которому отдаются всѣ досуги человѣка, часто ворующаго часы у сна или отдыха ради него. Такой трудъ называется весьма неопредѣленно: любительствомъ, иногда чудачествомъ. Также и трудъ женщины, которая носитъ, рождаетъ и воспитываетъ дѣтей, приготовляетъ пищу и одежду и служитъ очагомъ любви и тепла въ человѣческой семьѣ.

Этотъ послѣдній трудъ такъ мало уважается, (можетъ быть именно потому, что за него не платятъ),

что даже сама женщина нерѣдко впадаетъ въ ошибку и воображаетъ, что ея жизнь—сплошная неудача по сравненію съ ея незамужними сверстницами, которыя заняты профессіональнымъ заработкомъ. Это ложное сознаніе тяготитъ даже очень хорошихъ женщинъ и дѣлаетъ то, что трудъ, который долженъ бы служить источникомъ радости и здоровья, становится тягостнымъ и нежеланнымъ.

Что сказать о профессіональномъ трудѣ? Во главѣ его стоятъ: художники, ученые, юристы, духовенство, учителя, доктора, писатели и другіе. Всѣ эти спеціальности требуютъ таланта, такъ удачно названнаго «призваніемъ».

Призваніе можетъ появиться въ раннемъ дѣтствѣ, можетъ свѣтить, какъ яркій идеалъ въ просыпающейся душѣ ребенка, можетъ проявляться въ мечтахъ и наклонностяхъ и можетъ наполнить сердце стремленіемъ къ осуществленію этого идеала; и такого ребенка безжалостно пропускаютъ черезъ готовую рутину одинаковой для всѣхъ системы спеціальнаго образованія, достигающаго своего апогея системой наградъ, балловъ, аттестатовъ и стипендій. Эфирные лепестки нѣжнаго цвѣтка обрываются одинъ за другимъ, фантастическія мечты героическаго самопожертвованія безжалостно топчатся и такъ называемый «здравый смыслъ» водворяется на ихъ мѣстѣ. Послѣ этого молодому человѣку или молодой дѣвушкѣ предоставляется выступить въ «жизнь» и пытаться добыть то, что всего больше цѣнится: славу или деньги.

Этотъ путь слишкомъ хорошо извѣстенъ. Мы всѣ знаемъ кому подобный успѣхъ дается легче другихъ, но мы почти всегда забываемъ тѣхъ, которые остались на дорогѣ разочарованные и истощенные. Сохраняется лишь имя того, кому удалось побѣдить всѣ препятствія.

Долго ли еще славу поэта и композитора будетъ создавать издатель, а славу художника—пріобрѣтающій его картины разбогатѣвшій купчина, талантливость доктора—число сдѣланныхъ имъ операцій, а учителя — количество удачно «подготовленныхъ» къ экзамену учениковъ? Такъ долго, пока публика, руководимая издателями, концертными агентами и прессой, не начнетъ думать самостоятельно, не сознаетъ своихъ глубокихъ человѣческихъ потребностей, своихъ собственныхъ идеаловъ. Тутъ и тамъ уже попадаются люди, которыхъ не удовлетворить готовыми издѣльями, сфабрикованными для нихъ. Они уже требуютъ иной литературы, иного искусства, иной религіи, иного отношенія другъ къ другу, иного понятія долга. Вмѣсто конкуренціи они требуютъ коопераціи, вмѣсто войны—мирнаго сближенія, вмѣсто *подчиненія* другихъ національностей они ищутъ *братства*. Міръ начинаетъ наполняться духомъ исканія во всѣхъ сферахъ мысли и эмоцій. Завѣса, раздѣляющая классы общества, раздвигается. Тутъ и тамъ появляются люди изъ различныхъ слоевъ общества, которые жаждутъ не стяжать, а отдать себя для блага всѣхъ, и мы видимъ, что такіе люди обладаютъ удивительнымъ даромъ,

который привлекаетъ къ нимъ; они образуютъ центры новаго порядка жизни, которые, подъ какимъ бы названіемъ не появлялись, всегда вдохновляются однимъ мотивомъ: любовью.

Въ Европѣ это настроеніе ясно проявлено. Отдѣльныя личности или большія организаціи извѣстны подъ всевозможными названіями; въ своемъ горячемъ стремленіи найти истину, они могутъ быть не поняты и сами могутъ не понимать другъ друга; но мыслитель, наблюдающій за всѣми этими разноцвѣтными нитями жизни, ясно видитъ единую золотую нить любви, протягивающуюся сквозь всѣ эти единичныя и коллективныя усилія. Мы знаемъ, что эта метаморфоза уже началась среди насъ. Среди художниковъ, артистовъ, поэтовъ, докторовъ и учителей, уже народились такіе люди, которые вносятъ новое вдохновеніе въ конкретное выраженіе своихъ профессій. Среди общественныхъ дѣятелей уже появились такіе, которымъ невозможно мириться съ жестокими узаконенными обычаями, и многочисленныя группы людей начинаютъ бороться противъ войны, рабства, проституціи и жестокости во всѣхъ видахъ.

Обширная сфера народнаго труда требуетъ вниманія самыхъ талантливыхъ дѣятелей, самыхъ любящихъ сердецъ всѣхъ странъ и народовъ; вѣдь, безъ этого труда, непрерывно совершающагося во всемъ мірѣ, мы не могли бы прожить и одного дня. Вѣрные подвижники необходимаго для всѣхъ труда двигаютъ неустанно колесницу цивилизаціи. Мы просыпаемся каждое

утро и находимъ пищу уже доставленную къ нашему столу, а также письма дорогихъ намъ людей и новости всего міра въ формѣ газеты. Благодаря неостанавливающемуся труду милліоновъ людей, пароходы и поѣзда приходятъ вóвремя, подземныя дороги и надземныя сообщенія всякаго рода везутъ толпы людей на мѣста ихъ дѣятельности, лавки торгуютъ, телефоны и телеграфы дѣйствуютъ, заготовляется топливо, выкапывается уголь изъ нѣдръ земли, фабрики находятся въ полномъ ходу и т. д. Вѣками идетъ эта работа и она самая тяжелая изъ всѣхъ, всего меньше оплачиваемая, работа, которая слѣпитъ глаза, гнетъ спину, натираетъ мозоли и сокращаетъ жизнь.

Какъ же понять это? Развѣ трудъ не благословенъ и не можетъ быть радостнымъ? Тутъ что нибудь не ладно! Да... тутъ что-то нарушено и это нарушеніе превратило трудъ въ рабское подневольное дѣланье, а благословеніе—въ проклятіе. Потому что никакое нарушеніе закона, сознательное или безсознательное, не остается безъ тяжелыхъ послѣдствій.

Трудно прослѣдить тотъ историческій моментъ, когда законъ былъ въ первый разъ нарушенъ, или кто былъ первымъ нарушителемъ его. Каждый, кто уклоняется отъ своего долга, отъ своего труда, налагая его на другого; каждый, кто пропускаетъ день, не внося въ него своей доли труда, кто беретъ, самъ ничего не давая—каждый, кто совершалъ это въ доисторическія времена или сегодня, въ двадцатомъ столѣтіи,—нарушаетъ законъ равновѣсія или справедли-

вости, (что одно и то же и) онъ неизбѣжно долженъ участвовать въ послѣдствіяхъ такого нарушенія. И мы всѣ участвуемъ въ этихъ послѣдствіяхъ и страдаемъ отъ нихъ. Чѣмъ тоньше натура, тѣмъ тяжелѣе давитъ бремя. И душа и тѣло, и работающій и праздный, всѣ терпятъ различнымъ образомъ отъ этого. Увеличивающееся число болѣзней тѣла, растущіе пессимизмъ, угнетенность, душевныя болѣзни, самоубійства, все это коренится въ дисгармоніи, созданной искусственно въ жизни людей нарушеніемъ здороваго равновѣсія.

Зло кажется до того всемірнымъ, до того колоссальнымъ, что представляется безнадежнымъ и непреоборимымъ, и спрашивается: можно ли вообще касаться этого зла, порожденнаго вѣками? Потревоженное въ своей устойчивости, не рухнетъ ли оно на наши собственныя головы? А если бы и такъ, если бы рухнуло, изъ обломковъ возникнетъ новая, болѣе справедливая система, изъ долголѣтнихъ страданій получится опытъ, который и побѣдитъ зло. Мы хорошо знаемъ, что человѣческіе мотивы и мысли направляютъ всю дѣятельность міра. Поэтому, какъ только идеалы примутъ опредѣленную форму, мотивы измѣнятся и матеріальный міръ преобразится соотвѣтственно выросшему сознанію.

Наши обязанности кажутся мнѣ ясными и указываютъ на коренную реформу труда. Намъ придется измѣнить установившуюся оцѣнку труда, а главное— измѣнить наши идеи о трудѣ, какъ о неизбѣжномъ

злѣ и смотрѣть на него, какъ на благо. Если таково будетъ отношеніе къ труду, никто кромѣ больныхъ или извращенныхъ людей не пожелаетъ уклоняться отъ него. Будемъ надѣяться, что людей, желающихъ стать въ ряды этихъ послѣднихъ будетъ становиться все меньше и меньше; и это несомнѣнно будетъ, когда возникнетъ болѣе справедливая общественная оцѣнка труда. Даже въ настоящее время милліонеръ какъ бы чувствуетъ свою вину, накопляя болѣе богатствъ, чѣмъ онъ въ состояніи истратить, и поэтому онъ старается загладить эту вину крупными пожертвованіями на такъ называемыя благотворительныя учрежденія. Его modus operandum таковъ:— онъ начинаетъ съ того, что подрываетъ старинныя ручныя производства. Онъ вводитъ машину, которая автоматически производитъ работу сотни мужчинъ и женщинъ, выбрасываетъ изъ этой сотни девяносто пять человѣкъ, а остальныхъ дѣлаетъ безсловесными рабами машины.

Заработокъ девяносто пяти мужчинъ и женщинъ, лишившихся работы, дѣлается его неотъемлемой собственностью и такимъ образомъ проторяется широкая дорога, на которой сотни, тысячи и милліоны работниковъ теряютъ заработокъ.

Но при этомъ возникаетъ другое зло. Неразсуждающая машина наполняетъ рынокъ гораздо большимъ количествомъ товаровъ, чѣмъ нужно для потребленія страны. Это очень серьезная сторона вопроса и она должна бы обратить мысли фабрикантовъ

въ надлежащемъ направленіи. Но нѣтъ. Одно зло ведетъ за собою другое. Фабриканты начинаютъ искать иностранныхъ рынкахъ. Слѣдуютъ война и кровопролитіе. Церковь и Государство поддерживаютъ потребности немногихъ, называя ихъ стремленія потребностями страны, оставляя безъ вниманія истинныя нужды тѣхъ, которые называются неопредѣленнымъ словомъ «народъ». Горечь и ненависть растутъ. И все это продолжается и понынѣ въ силу привычки и эгоизма.

Запущенный домъ, полный грязи и паразитовъ, будетъ всегда наказаніемъ для живущихъ въ немъ и разсадникомъ всякихъ болѣзней, недовольства и пререканій, пока не появится энергичный человѣкъ, который смѣло возьмется за дѣло и, не испугавшись годами накопленной грязи, приведетъ все въ стройный порядокъ.

Не слѣдовало ли бы ввести ту же систему и вездѣ? Попытаться вернуть справедливость и здоровье труда? Если бъ удалось это хотя бы въ малѣйшемъ уголкѣ нашего большого дома, мы могли бы сдѣлать этотъ уголокъ такимъ привлекательнымъ, что дали бы примѣръ для великаго очистительнаго процесса, который, распространяясь въ ширь и въ глубь, положитъ начало всеобщему оздоровленію. Этотъ процессъ въ сущности уже начатъ. Во многихъ странахъ возникаютъ небольшіе центры такой любовной работы всевозможныхъ видовъ и направленій. Нѣкоторые изъ участниковъ этихъ центровъ работаютъ и идутъ впередъ полусознательно, просто потому, что иначе не могутъ

работать; другіе, движимые духомъ служенія, стремятся улучшить и очистить окружающія условія, освѣщая самую идею труда въ широкомъ и любовномъ смыслѣ.

Такъ понимаетъ идею труда и недавно возникшій «Международный Союзъ ручного Труда».

Друзья! наши мечты могутъ не осуществиться— мечты о международныхъ коопераціяхъ съ обширными центрами обмѣна труда и знанія; мечты объ обоюдномъ довѣріи и любви и о возрожденіи прекрасныхъ старинныхъ ремеслъ, но обогащенныхъ новымъ опытомъ и пониманіемъ;—мечты о возстановленіи сельской жизни, умудренной пройденной тяжелой школой, которая дасть намъ не вырождающуюся и слѣпо слѣдующую модѣ толпу, а здоровую расу людей, активныхъ гражданъ міра и творцовъ своей собственной жизни и своего собственнаго труда. Вѣроятнѣе всего, что эти мечты еще не скоро осуществятся, но если мы будемъ трудиться сознательно и съ твердой вѣрой на пути къ международной коопераціи, мы съ правомъ можемъ надѣяться, что трудъ нашъ поведетъ къ *единенію*, а не къ распаду и враждѣ.

Я часто слышу: «Зачѣмъ намъ возвращаться къ стариннымъ традиціямъ и стариннымъ ремесламъ? Развѣ человѣчество не переросло ихъ и не выработало лучшихъ пріемовъ?» Въ отвѣтъ на это я укажу на духовныя сокровища, которыя извлекаются въ наше время изъ Древней Мудрости. Думается, что въ дѣлѣ возрожденія искусствъ и ремеслъ старинныя традиціи

съиграютъ ту же роль, и что дѣло идетъ вовсе не о возвращеніи назадъ, а объ одухотвореніи труда и о пріобрѣтеніи новаго знанія и новыхъ идей. И думается мнѣ, что строители человѣческаго прогресса говорятъ намъ взятыми изъ глубины вѣковъ символами и формами неподражаемой красоты. Разобрать ихъ и освободить отъ вліянія невѣжества, дурного вкуса и отъ искаженія всякаго рода—вотъ благородная задача, съ которой намъ и нужно начать дѣло обновленія человѣческаго труда.

Глава IV.

СЛУЖЕНІЕ.—ВДОХНОВЕНІЕ ВЪ ТРУДѢ.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ вступилъ въ первый разъ въ благоуханный храмъ природы—въ храмъ космическаго, безпрерывнаго и стройнаго труда, гдѣ все было прекрасно и гармонично,—съ тѣхъ поръ начался и трудъ человѣка, и можно по справедливости сказать, что идея труда была первой идеей человѣка на первой ступени его эволюціи. Въ началѣ слѣды труда человѣка, выразившіеся въ его жилищѣ, одеждѣ и орудіяхъ, почти не вносили диссонанса въ этотъ храмъ Изиды. Человѣкъ былъ еще такъ близокъ къ матери-природѣ, такъ мало выдѣлялся изъ ея покрововъ, ютясь въ лѣсахъ и пещерахъ, вставая и засыпая вмѣстѣ съ солнцемъ и питаясь отъ плодовъ земныхъ наравнѣ съ другими земными тварями. Но ему суждена была иная задача. Онъ взялъ свою эволюцію въ свои собственныя руки и на протяженіи тысячъ вѣковъ онъ измѣнилъ не только свое собственное бытіе, но и поверхность всего земного шара. Идея труда расширялась, видоизмѣнялась, искажалась по всѣмъ направленіямъ, но трудъ всегда и вездѣ былъ отраженіемъ своего творца: человѣка. Многіе, можно сказать, большинство людей, умиляются результатами этихъ слѣдовъ

человѣческаго труда, этими многомилліонными городами, лишенными самаго необходимаго для человѣка— свѣжаго воздуха, но зато переполненными движеніемъ и суетой, этими стройными арміями и флотами, бороздящими моря и океаны, всевозможными утонченными развлеченіями (въ противовѣсъ которымъ возникаютъ періодическія голодовки), быстрыми путями сообщенія по землѣ, водѣ и воздуху и всѣми чудесами современной архитектуры, которая представляетъ собой такую массу громоздкихъ, лишенныхъ гармоніи линій и формъ, стоящихъ въ полномъ противорѣчіи съ окружающей природой. Не мнѣ судить о достоинствахъ современной цивилизаціи. Человѣкъ учится ошибками и я упоминаю объ этой эпопеѣ труда лишь для того, чтобы указать на ея длинный, тернистый путь, на которомъ человѣкъ учился, выросталъ, падалъ и старался истощить терпѣніе матери-природы. На этомъ пути идея труда пережила свой циклъ ошибокъ и искаженій, который и привелъ ее въ концѣ концовъ къ настоящему моменту, когда многимъ становится очевидно, что мы зашли въ тупикъ; безвыходность положенія заставляетъ основательно разобраться въ этомъ вопросѣ и прослѣдить причины этой безвыходности до самаго корня.

Каждая ошибка, каждый грѣхъ ведетъ за собой неизбѣжно и свои результаты. Каждый диссонансъ будетъ мучить насъ до тѣхъ поръ, пока мы не разрѣшимъ его въ гармонію. На обыкновенномъ языкѣ говорится, что ни одно преступленіе не остается безнаказаннымъ. И этими наказаніями стала такъ полна

наша жизнь, ноты разлада звучатъ такъ назойливо, а уши наши стали настолько чувствительнѣе, что жить по прежнему бываетъ уже не въ моготу.

Когда же совершилось это преступленіе? Виноваты ли мы, люди XX вѣка, въ совершившемся и заслужили ли мы нести на своихъ плечахъ бремя наказанія?

Преступленіе совершилось и продолжаетъ совершаться сознательно или безсознательно каждый разъ, когда мотивомъ дѣятельности служитъ эгоизмъ. Оно совершается каждый разъ, когда человѣкъ, воображая, что представляетъ изъ себя обособленную единицу, не связываетъ своихъ интересовъ съ интересами цѣлаго, а по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ этого цѣлаго не выполняетъ своихъ обязанностей, отчасти благодаря непониманію, а отчасти благодаря чрезмѣрной снисходительности къ себѣ. Не задумываясь надъ этими обязанностями и ихъ значеніемъ во всю глубину, онъ предается удовлетворенію единичныхъ позывовъ своей низшей природы, принимая средства за цѣль и пользуясь ими не ради достойнаго выполненія своихъ человѣческихъ задачъ, а только въ угоду своему низшему я. Первый человѣкъ, который сложилъ свою ношу на плечи брата и обременилъ ею другого, и былъ первымъ преступникомъ. И каждое такое сложеніе своей ноши играло роль того фальшиваго купона, который такъ ярко обрисовалъ Толстой. Зло множилось съ поразительной и ужасающей быстротой. Первая сложенная ноша на плечи другого безотвѣтнаго человѣка положила начало *рабства*. Отсюда и самое

слово: *работа*. Идея рабства достаточно разработана и знакома всѣмъ и каждому, хотя многіе не узнаютъ этой идеи, когда оба, и господинъ и рабъ, внѣшне свободны; здѣсь на лицо болѣе тонкіе ея признаки, которыми полна наша жизнь, но они къ сожалѣнію постоянно ускользаютъ изъ поля нашего сознанія.

Современный рабъ не нуждается въ обветшалыхъ атрибутахъ—плети и цѣпяхъ. Наоборотъ, онъ самъ протягиваетъ руки за непосильной ношей, онъ борется изъ-за нея съ товарищами, и все же, хотя безъ плети и цѣпей, онъ такъ же прочно скованъ и такъ же несправедливо наказуемъ, какъ былъ скованъ и наказуемъ рабъ *прежнихъ вѣковъ*.

Современный человѣкъ, который вздумалъ бы изслѣдовать идею труда по тому, какъ она обставлена въ современныхъ условіяхъ, не заглядывая при этомъ въ глубину явленій, могъ бы дѣйствительно притти къ нелѣпому выводу, что трудъ есть необходимое зло, которое человѣкъ обязанъ нести, при чемъ иной несетъ его съ терпѣніемъ и надеждой на избавленіе, а другой—съ проклятіемъ и озлобленіемъ. Но, заглянувъ въ глубину и отстранивъ все внѣшнее, наметенное вѣками человѣческаго недомыслія и эгоизма, мы увидимъ иную картину. Мы неправильно поняли притчу Ветхаго Завѣта, въ которой Богъ проклинаетъ землю. Слова эти всегда приводятся отдѣльно отъ связаннаго съ ними текста. Но притча эта выражаетъ истину самой сущности вещей; когда Богъ говорилъ Адаму: «Я прокляну землю *тебя ради*», это не было произвольнымъ наказаніемъ, а выраженіемъ милосердія.

Англійская писательница, математикъ-философъ Мэри Буль въ своей книгѣ «Завѣты психологіи» говоритъ о могучей, цѣлительной силѣ «труда» и объясняетъ, какъ во время самаго процесса труда мы въ сущности воспринимаемъ жизненную силу изъ невидимаго міра.

Каждому изъ насъ навѣрно приходилось хоть разъ въ жизни испытать это благотворное дѣйствіе труда, когда трудишься не съ эгоистичной цѣлью, а вдохновляемый мыслью о пользѣ для кого-то другого, для друга или для цѣлаго общества. Каждый можетъ вспомнить такія минуты, когда все тѣло напрягалось отъ утомленія, а духъ окрылялся и радовался. Какой животворный сонъ слѣдовалъ обыкновенно за такимъ трудомъ!

Къ сожалѣнію, такой трудъ у насъ почти исключеніе.

Нелегкое дѣло распутать столь запутанный мотокъ нитей идущихъ изъ глубины вѣковъ, нитей безконечно разнообразныхъ, въ которыхъ отражается безчисленное количество душъ, изъ которыхъ каждая внесла въ идею труда свое выраженіе, свой темпераментъ, свои вкусы и наклонности, свою любовь или проклятіе.

И если мы начнемъ вглядываться въ этотъ мотокъ вдумчивѣе, передъ нами начнетъ возникать сперва робко и не ясно, а затѣмъ все очевиднѣе возможность совсѣмъ иного труда, излучающаго здоровую энергію, которая приноситъ радость и свѣтъ, которая создается любовью, и въ свою очередь творитъ любовь и красоту.

Художникъ, который истинно *любитъ* искусство и не ставитъ своей цѣлью заработокъ, возвышается надъ этимъ внѣшнимъ атрибутомъ своей профессіи. Онъ запирается отъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній, отъ всего, что, быть можетъ, еще такъ недавно манило и улыбалось ему. Ему нужны только тишина, свѣтъ, палитра. Всё остальное—если онъ истинный художникъ—онъ находитъ въ себѣ самомъ. Онъ горитъ любовью къ тому образу, который намѣревается воплотить, малѣйшая черточка этого образа исходитъ изъ глубины его души, онъ забываетъ все окружающее, онъ доходитъ иногда до экстаза. Въ эти минуты онъ достигаетъ такого проникновенія, на какое способенъ только истинный художникъ. Закрѣпляя свое вдохновеніе на полотнѣ, онъ даетъ людямъ даръ, который будетъ изливать на нихъ то же проникновеніе, ту же любовь, какую испытывала творившая душа художника. Таковы картины старыхъ мастеровъ, которыя въ теченіе вѣковъ привлекаютъ въ Италію людей со всѣхъ концовъ свѣта, и таковы снова будутъ картины художниковъ, какъ только они очистятся отъ корыстныхъ мотивовъ творчества, которые такъ затемнили всѣ проводники вдохновенія.

Гаммы труда безконечны. Взявъ примѣръ на самыхъ верхахъ вдохновенія, попробуемъ прикоснуться къ ея низшимъ ступенямъ и постараемся понять, какіе законы дѣйствуютъ тамъ.

Вотъ ржаное поле, волнующееся какъ море и непрестанно отражающее, какъ и море, небесныя

тучки. Межи пестрѣютъ яркими маками, васильками и душистой кашкой. Воздухъ полонъ звуковъ и аромата. Можно ли оставаться равнодушнымъ къ этой гармоніи труда и природы? Какое удовлетвореніе для трудившагося надъ этимъ полемъ! Какой богатый источникъ силъ, здоровья, златокудрыхъ мечтаній для горожанина! И много, много передумаетъ и перечувствуетъ усталый горожанинъ, сравнивая сѣрыя будни своей городской жизни среди тѣсноты своего департамента или конторы, ресторана или зеленыхъ столовъ.

Всѣ моменты созиданія этого поля полны красоты, всѣ они въ гармоніи съ природой.

Отдыхающее подъ бѣлоснѣжной пеленой съ дорожкой обсаженной вѣтками и играющія на снѣгу весеннія голубыя тѣни, чернѣющія проталинки и вся эта пробуждающаяся жизнь съ журчащими ручейками, съ прилетомъ птицъ; а позднѣе, то-же поле подъ веселыми весенними лучами, когда жаворонки звенятъ своими радостными пѣснями, съ фигурой крестьянина, шагающаго за сохой и съ яркимъ бархатомъ зеленѣющихъ озимей. Прекрасно и волнующееся море ржи и сжатое поле со сложенными въ стройные ряды копнами, и даже когда все свезено съ поля и оно повидимому пусто и мертво—попробуйте простоять въ молчаніи и сосредоточеніи, и вы почувствуете сильную волну удовлетворенія, крѣпкую увѣренность въ единеніи съ природой, вы почувствуете себя не ничтожной былинкой, а любимымъ дѣтищемъ, «плотью отъ плоти, духомъ отъ духа» природы.

Это не придуманныя картины. Каждый изъ насъ испыталъ такія минуты, и если онѣ бывали рѣдки, даже черезчуръ рѣдки, то въ этомъ виноваты мы сами и тѣ заблужденія наши, которыя затемнили для насъ смыслъ труда.

Сфера труда такъ обширна, что я и не мечтаю разсматривать ее всю. Мнѣ хотѣлось бы лишь коснуться главныхъ ея основаній и провѣрить дѣйствіе ея законовъ на результатахъ труда.

Во приведенныхъ примѣрахъ, несмотря на то, что они взяты съ двухъ крайнихъ полюсовъ человѣческой дѣятельности, мы можемъ видѣть одни и тѣ же законы. Никто не будетъ оспаривать, что картина художника будетъ вліять на зрителя тѣмъ сильнѣе и проникновеннѣе, чѣмъ больше любви и вдохновенія вложилъ въ нее ея творецъ, чѣмъ свободнѣе онъ былъ отъ эгоистическихъ расчетовъ и чѣмъ полнѣе онъ выражалъ свой Духъ.

Во второмъ примѣрѣ уловить основной принципъ земледѣльческаго труда несравненно труднѣе. Мы всѣ такъ далеки отъ сохи, что намъ совершенно чужды эмоціи этой сферы и прикасаемся мы къ ней въ большинствѣ случаевъ на почвѣ искусственно созданныхъ несправедливыхъ отношеній, которыя вырыли глубокую пропасть между различными сословіями.

Поэтому могу говорить только съ точки зрѣнія моего личнаго опыта. Хлѣбопашецъ ближе къ примитивной природѣ, онъ меньше разсуждаетъ и анализируетъ, онъ обремененъ чрезмѣрными притязаніями

на его трудъ остальныхъ классовъ общества, на его плечи по преимуществу была возложена ноша съ чужихъ плечъ, такъ какъ *его* работа и самая тяжелая, и самая необходимая для существованія человѣчества. Эти послѣднія условія сильно осложняютъ вопросъ. Тѣмъ не менѣе можно ясно видѣть, что и въ этотъ трудъ вложено все то, что создаетъ красоту и гармонію. Никто, вѣдь, не станетъ оспаривать, что крестьянинъ *любитъ* свое поле, своего товарища—коня, свои думы о предстоящемъ урожаѣ и никто не станетъ оспаривать, что кромѣ *любви*, трудъ пахаря совершается въ *гармоніи* съ Высшимъ Началомъ, какъ бы мы ни называли его: природой, космосомъ, Богомъ. Этой гармоніей, которая свойственна всѣмъ еще не оторвавшимся отъ земли людямъ—можно объяснить и великую живучесть народа и его традицій. Онъ гораздо менѣе другихъ классовъ нарушаетъ основные законы природы. Еслибы можно было представить себѣ хотя на одинъ мигъ, что пахари всего свѣта отказались отъ производства хлѣба, мы въ то же время должны бы представить себѣ конецъ человѣческаго существованія. Нѣтъ хлѣба—нѣтъ и жизни. И, казалось бы, это драгоцѣнное производство самаго нужнаго продукта міра—зерна, должно бы обставляться болѣе бережно и мудро. Но это не такъ. Повсемѣстно земледѣльцы пользуются наименьшимъ заработкомъ, наименьшимъ комфортомъ и наименьшимъ *уваженіемъ*. Что же, какъ не любовь къ своему труду и покорность Высшей волѣ способны были до сихъ поръ сохранить человѣчеству этихъ тружениковъ?

Быть можетъ пахарь и получаетъ награду, нетолько въ своей вѣрѣ въ будущее успокоеніе и благоденствіе гдѣ-то въ сферахъ невидимыхъ, а и въ настоящемъ, какъ ни трудно этому повѣрить, глядя на крестьянскую страду. Можетъ быть и небо и *солнце* такъ же сіяютъ для него, какъ и для насъ, и радостная пѣсня жаворонка проникаетъ и въ его душу животворнымъ лучемъ.

Можетъ быть мать-природа окутываетъ его, своего ближайшаго сына, еще большимъ волшебствомъ, чѣмъ мы, такъ далеко отошедшіе отъ нея горожане, можемъ вообразить?

Не въ этомъ ли тайна его устойчивости, несмотря на всѣ искаженія, наложенныя современными условіями?

И такъ, въ этихъ двухъ видахъ труда мы различаемъ ясно главныя основы труда: любовь, творчество и служеніе, т. е. отсутствіе эгоизма. Какъ только эти основы нарушаются—нарушается и красота, и гармонія труда.

Съ первымъ нарушеніемъ справедливости, съ первымъ проявленіемъ эгоизма,—когда человѣкъ въ первый разъ позволилъ себѣ сложить свою ношу на плечи другого—измѣнилось и *отношеніе* къ труду. Вмѣсто благодарности за помощь, явилось презрѣніе къ рабу, принявшему ношу. И это презрѣніе множилось, крѣпло, пережило всѣ формы рабства въ самыхъ грубыхъ его проявленіяхъ вплоть до нашихъ дней, когда «рабъ» имѣетъ видъ свободнаго человѣка,

не ходитъ голый, не носитъ цѣпей и имѣетъ право голоса, а «рабовладѣлецъ» не стращаетъ плеткой, а корректно предлагаетъ непосильную ношу и самъ почти во всѣхъ случаяхъ играетъ роль раба въ другой сферѣ. Вотъ объ этомъ отношенiи къ труду мнѣ бы хотѣлось сказать нѣсколько словъ и желала бы я имѣть такiя слова, въ которыхъ отразился бы весь пережитый мною опытъ, все, что открылось мнѣ, имѣвшей въ теченiе 20 лѣтъ непрестанное прикосновенiе къ труду многихъ людей.

Въ нашей власти *только* измѣнить самое отношенiе къ труду. Мы не въ силахъ сразу уничтожить всѣ несправедливости въ области труда, не въ силахъ снять непосильное бремя съ плечъ, которыя давно уже гнутся подъ его тяжестью; но вполнѣ въ нашей власти измѣнить наше отношенiе къ труду.

Пока у насъ на первомъ планѣ заработокъ, а не самый трудъ, когда заработокъ, а иногда и накопленiе богатствъ является цѣлью, это отношенiе измѣниться не можетъ. Весьма странно, что несмотря на всѣ культурныя теченiя, которыя шли къ намъ со всѣхъ сторонъ, идеалы труда все еще въ такомъ младенчествѣ. Въ другихъ сферахъ этики мы пошли гораздо дальше. Напримѣръ, если дѣвушка выходитъ замужъ за богатаго старика, не любя его, а желая имѣть обезпеченную жизнь, отношенiе къ ея поступку будетъ совершенно опредѣленное. Каждый школьникъ пойметъ, что она поступила дурно и не честно и она сама тщательно скрываетъ свои побужденiя.

Но взять, не любя, какой либо трудъ—это почти ни для кого не стыдно. Лишь бы «заработать», а то за какой угодно безполезный трудъ, даже завѣдомо вредный, можно взяться безъ колебанія. Послѣ «молодыхъ» мечтаній, стремленій къ наукѣ, большихъ затратъ на «образованіе», можно взять должность продавщицы водки или собирателя акциза и при этомъ искренне считать себя *выше* кухарки или сапожника. Очевидно современныя понятія совершенно спутаны. Берутъ не трудъ. Трудъ какъ служеніе—пустой звукъ. А берутъ *заработокъ,* т. е. рабство. Вотъ эта роковая спутанность понятій, вошедшая въ привычку, и производитъ безконечный вредъ, который мы приписываемъ причинамъ, отъ насъ совершенно независящимъ. Это ложное отношеніе заполнило весь міръ и мѣшаетъ намъ двинуться впередъ по истинному пути. Достаточно вглядѣться въ двѣ рубрики труда, созданныя современной «этикой»: умственный трудъ и физическій трудъ. Переписчица на щегольской машинѣ Ремингтона, не вкладывая ни своихъ мыслей, ни чувствъ, а перестукивая чужія и можетъ быть даже чуждыя мысли—искренно считаетъ свой трудъ выше труда кухарки, которая должна вложить въ свое мастерство много соображенія, опыта и добраго желанія. Такой «умственный трудъ» считается выше труда женщины-матери, которая денно и нощно вноситъ въ него свои лучшія мысли, свою любовь и проникновеніе. И такъ тяжело отражается на женщинахъ-матеряхъ это ложное отношеніе, что онѣ и сами считаютъ, что ихъ

жизнь тратится «даромъ», что «она служитъ эгоизму, что она осталась въ сторонѣ отъ общественной дѣятельности». А вѣдь онѣ, эти «эгоистки» несутъ величайшее служеніе міра. И здѣсь мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ же поразительнымъ недомысліемъ. Самая необходимая и важная изъ всѣхъ человѣческихъ дѣятельностей оплачивается наименьшимъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Такъ же ложно и далеко отъ идеала наше отношеніе къ труду машинному и ручному.

Развитіе машиннаго производства имѣетъ свое опредѣленное теченіе и оно выражаетъ капиталистическій ростъ страны. Его исторія и его злоупотребленія всѣмъ извѣстны. Блестящіе успѣхи машиннаго производства заставили почти забыть ручной трудъ. Однако и самая физіономія страны, и ея долговѣчность въ исторіи, и ея сила и красота заключены не въ машинномъ, а какъ разъ въ ея ручномъ производствѣ. Прошли многіе вѣка, политическая исторія Италіи мѣнялась до самого корня, мѣнялись правители и культурныя теченія, но Италія и теперь жива памятниками средневѣкового труда. Ея физіономія, сила и красота запечатлѣны на каждомъ шагу въ памятникахъ художествъ и ремеслъ. Эта географически маленькая страна, малосильная какъ держава, съ крошечнымъ войскомъ и флотомъ, тѣмъ не менѣе наложила свою печать на всѣ цивилизованныя страны свѣта только однимъ своимъ ручнымъ трудомъ, своимъ искусствомъ и ремеслами. Таково значеніе народнаго ручного тру-

да, который мы почти совсѣмъ игнорируемъ. Правда, у насъ въ Россіи есть ученыя общества, которыя уже много лѣтъ собираютъ среди крестьянъ народные былины, пѣсни, причёты, обряды; есть музеи, которые собираютъ одежду, утварь, бытовые памятники, и т. д. все это дѣлается наканунѣ полнаго исчезновенія старинныхъ обычаевъ и традицій. Но все это пока достояніе очень маленькаго меньшинства. Большинство мало интересуется этимъ, а главное, не видитъ значенія въ памятникахъ народнаго творчества. Этому пониманію мѣшаетъ какъ разъ то ложное отношеніе къ труду, которое цѣнитъ его не по существу, а по одному его признаку—заработку.

Всѣ эти мысли давно стали для меня господствующими, но я должна сейчасъ же оговориться, что я вовсе не считаю русское отношеніе къ труду болѣе отсталымъ чѣмъ въ другихъ странахъ, которыя мы привыкли считать болѣе просвѣщенными и передовыми. Мой опытъ не простирается далѣе Англіи и Америки, но въ Англіи и Америкѣ, гдѣ мнѣ пришлось столкнуться со сферой труда не только какъ туристу и наблюдателю, но и какъ участницѣ на самой практикѣ труда, я убѣдилась, что тамъ за послѣднія 30 лѣтъ отношеніе къ труду одинаково ложно, и могу прибавить, что тамъ оно вылилось въ болѣе жесткія и устойчивыя формы, которыя лишь за самые послѣдніе годы стали тревожить передовое меньшинство.

Глава V.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ РУЧНОГО ТРУДА.

Меньшинство представителей Англіи, о которомъ я упоминула въ предыдущей главѣ, вдохновлялось идеями двухъ великихъ вождей: Рёскина и Морриса. Эти геніальные люди оставили по себѣ глубокій слѣдъ; понемногу брошенное ими доброе сѣмя начинаетъ всходить и отражаться въ искусствѣ, ремеслахъ и идеалахъ современной Англіи.

Не удивительно, что это движеніе выразилось наконецъ и конкретно въ Международномъ Союзѣ Ручного Труда, основанномъ въ прошломъ году, который имѣетъ въ своихъ рядахъ англичанъ, шотландцевъ, ирландцевъ, русскихъ, голландцевъ, французовъ, финляндцевъ, нѣмцевъ, шведовъ и американцевъ. По общественному положенію участники Союза принадлежатъ ко всевозможнымъ отраслямъ труда: въ числѣ ихъ есть ювелиры, ткачи, фабриканты, актеры, литераторы, филантропы, художники, купцы и т. д.

Союзъ учрежденъ людьми, которые раздѣляютъ вышеприведенные идеалы труда, и считаютъ, что каждый хорошій трудъ долженъ быть выраженіемъ любви.

Цѣли союза сводятся къ слѣдующему:

1) Распространять всевозможными средствами эту идею и содѣйствовать развитiю такого труда, который бы велъ къ совершенной, гармонической человѣческой жизни.

2) Поощрять и поддерживать нацiональныя и традицiонныя ремесла и искусства каждой страны, поощряя и вызывая прирожденныя способности самихъ тружениковъ.

3) Давать возможность объединяться трудящимся посредствомъ выставокъ, конференцiй, прессы и друг. подходящихъ средствъ, и собирать такiе образцы ручного труда всѣхъ странъ, на которыхъ отразилась душа ихъ создателей и въ которыхъ выразилась истинная красота.

Президентомъ этого Союза выбранъ Вальтеръ Крэнъ, извѣстный художникъ и отецъ декоративнаго искусства Англiи, другъ и послѣдователь В. Морриса. Вице-президентомъ Шарлотта Деспардъ — извѣстная въ Англiи какъ общественная дѣятельница и какъ вдохновенный ораторъ. Предсѣдателемъ Совѣта Союза—Д. Н. Дёнлопъ; этотъ послѣднiй представляетъ собой счастливое соединенiе виднаго дѣльца въ мiрѣ электротехники и энергичнаго поборника нравственнаго возрожденiя людей. На автора этой книжки возложена обязанность организатора.

Главный центръ этого союза въ Лондонѣ. Предполагается открыть отдѣленiе въ каждой странѣ, гдѣ найдутся активно интересующiеся люди. Планъ организацiи, изданный въ Лондонѣ, уже переведенъ на

французскій, голландскій и нѣмецкій языки, а также на языкъ эсперанто и на этихъ языкахъ уже начали появляться статьи по этому вопросу въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Кромѣ того, Союзъ помѣщаетъ статьи и свѣдѣнія для своихъ членовъ въ двухъ ежемѣсячныхъ англійскихъ журналахъ.

Организатору Союза пришлось прочитать нѣсколько докладовъ въ разныхъ городахъ Англіи. Они возбудили горячій интересъ, но слушатели не сразу восприняли наши идеи. Думая, что Союзъ займется организаціей и продажей ручныхъ издѣлій, насъ засыпали предложеніями. Предлагали даже на самыхъ первыхъ шагахъ и капиталъ для открытія двухъ фабрикъ, гдѣ бы изготовлялось ручнымъ способомъ бѣлье, одну во Франціи, а другую въ Англіи, и для устройства торговыхъ складовъ. Главной цѣлью всѣхъ этихъ предложеній было удержаніе производства и сбыта въ частныхъ рукахъ. Но отъ всѣхъ этихъ предложеній Союзъ мудро отказался. Переходить на практическую и торговую почву онъ считалъ невозможнымъ, пока не выработается *идеалъ* труда и правильное *отношеніе* къ нему. Это было бы—ставить соху впереди лошади. И эти предложенія обнаружили до очевидности какъ неясна идея труда и его современныхъ условій для самихъ руководителей труда, и при этомъ для самыхъ доброжелательныхъ изъ нихъ.

Въ слѣдующемъ же году Союзъ устроилъ Международную Выставку, въ основѣ которой были положены новыя идеи.

Собственно говоря, выставки въ Европѣ давно потеряли свою идейность и всѣ онѣ основаны исключительно на коммерческихъ и изрѣдка на политическихъ началахъ. Къ послѣднимъ можно причислить Англо-Французскую, Японскую и послѣднюю коронаціонную выставку въ Лондонѣ. Выставки же, основанныя на коммерческихъ началахъ, распространились всюду и вездѣ и порядкомъ прискучили публикѣ. Все основано на продажѣ мѣстъ и входной платѣ, ввиду чего нужны самыя пикантныя развлеченія, чтобы привлечь толпу, нужно нѣсколько оркестровъ, которые бы неумолчно наполняли воздухъ веселыми, подъ часъ одуряющими звуками, и самые экспонаты, въ сущности, только предлогъ. Никакой спеціалистъ не пойдетъ изучать свою спеціальность на выставку, никакой истинный любитель музыки не вздумаетъ поѣхать насладиться музыкой на выставкахъ. Все это для толпы. Когда-то въ Чикаго на ряду съ выставленными экспонатами существовалъ и конгрессъ религій, тамъ читались лекціи о воспитаніи, о художествахъ, дѣлались доклады по политической экономіи и по всевозможнымъ вопросамъ, выражавшимъ наростаніе умственныхъ и нравственныхъ запросовъ всѣхъ странъ міра. Все это кануло въ вѣчность. Пережила лишь одна идея—идея коммерческая.

На нашей выставкѣ мы провели совершенно другія цѣли. Входъ былъ безплатный и издѣлія не продавались. Не было ни одного экспоната, который бы не иллюстрировалъ извѣстной идеи. Собственно

говоря, выставка отвѣчала на запросы неосвѣдомленной публики, съ которой мы ежедневно сталкивались въ своей работѣ.

Быть можетъ, русскимъ читателямъ не безинтересно будетъ узнать, что одно изъ самыхъ крупныхъ мѣстъ по ручному труду въ настоящее время занимаетъ Россія. Вплоть до самыхъ послѣднихъ лѣтъ Японія занимала это мѣсто и занимала его съ честью. Но послѣднія ея увлеченія коммерціализмомъ и требованія англійскаго рынка повліяли разрушающимъ образомъ на ея издѣлія. Я должна оговориться. Въ смыслѣ графическихъ искусствъ, фарфора, бронзы и работѣ по шелку—нѣтъ страны равной Японіи, но она стала фабриковать ручнымъ и машиннымъ способомъ такую колоссальную массу плохой дешевки, что заполонила ими рынки и затмила свою собственную былую славу. Японскія вещи вышли изъ моды, знатоки же ищутъ японской старины, а не новыхъ издѣлій. Этимъ объясняется и великій упадокъ въ искусствѣ японскихъ кустарей. Страна очевидно повернула къ машинному производству. Слѣдовательно, по количеству ручного труда въ настоящее время Россія занимаетъ первое мѣсто. Я не хочу сказать этимъ, что издѣлія ея достигли того высокаго достоинства, которымъ они безспорно могли бы отличаться при настоящихъ данныхъ; для насъ ясно, что нашъ заграничный сбытъ еще въ младенчествѣ, но все же въ Россіи на ручной трудъ обратили уже вниманіе какъ правительство и земство, такъ и многочисленныя спе-

ціальныя общества и наконецъ—цѣлая армія скупщиковъ. О такъ называемыхъ *кустарныхъ издѣліяхъ* знаетъ въ Россіи каждый. И въ Парижѣ, и въ Лондонѣ уже начинаютъ цѣнить русскій ручной трудъ, хотя онъ и является тамъ большею частью въ весьма искаженномъ видѣ.

Въ теченіе 18 лѣтъ я устраивала выставки русскихъ крестьянскихъ издѣлій въ Америкѣ и Англіи, читала рядъ лекцій о русскомъ народномъ творчествѣ и о памятникахъ старины. А въ послѣднія 4—5 лѣтъ устраивала правильные лекціонные объѣзды всѣхъ большихъ городовъ Англіи. Мнѣ удалось пріобрѣсти хорошую репутацію для русскихъ крестьянскихъ издѣлій, но въ то же время приходилось слышать довольно несправедливыя рѣчи. Говорили, что русскіе крестьяне талантливы, близки къ природѣ, богаты воображеніемъ и трудолюбивы, тогда какъ англійскій низшій классъ лѣнивъ, неталантливъ, предается пьянству и на тонкую художественную работу совершенно не способенъ. Но я такіе же отзывы слышала въ Россіи о русскихъ крестьянахъ весьма часто, и на дѣлѣ должна была убѣдиться какъ повехностны такія сужденія.

На выставкѣ я задалась цѣлью наглядно доказать, что любое крестьянство любой націи хранитъ въ своихъ нѣдрахъ это чувство красоты и, какъ только открывается возможность, выражаетъ его въ своемъ трудѣ, проявляя при этомъ трогательную любовь къ традиціямъ своей страны и повторяя въ своихъ издѣліяхъ символы старинныхъ вѣрованій или историческихъ событій.

Въ моихъ рукахъ были средства наполнить всю выставку русскими крестьянскими издѣліями, но мнѣ хотѣлось не русской, а международной выставки; мнѣ хотѣлось наглядно показать единеніе народовъ въ обшемъ трудѣ. Поэтому я и употребила всѣ усилія, чтобы выдвинуть другія народности.

Если принять въ соображеніе, что на нашей выставкѣ не было допущено продажи, можно легко повѣрить, какъ трудно было найти въ коммерческой Англіи экспонентовъ, которые бы согласились послать свои издѣлія безъ надежды продать ихъ. Но мы твердо рѣшились на этотъ разъ обратить всѣ усилія на *идеи*, а не на *вещи*, и использовать все вниманіе посѣтителей, не развлекая ихъ мелкой погоней за хорошенькими вещицами, соблазнительными по своей дешевизнѣ.

Какія же идеи можно выразить на такой выставкѣ?

Во 1-хъ идею *красоты*, присущую всѣмъ народамъ, которая сквозитъ даже черезъ всѣ наслоенія, искусственно вызванныя современнымъ капиталистическимъ строемъ, во 2-хъ идею *единенія* и взаимопомощи на почвѣ труда, въ 3-хъ идею *мира* на почвѣ международнаго единенія.

На этой выставкѣ читались доклады, въ которыхъ развивались новыя идеи о трудѣ, а затѣмъ происходили систематическія пренія подъ развѣсистыми каштанами въ прилегающемъ паркѣ.

Всѣмъ внимательнымъ посѣтителямъ выставки становилось ясно, что если англійскіе кустари ткутъ изъ

матеріаловъ, выращенныхъ и выпряденныхъ русскими крестьянами; сицилійскія вышивальщицы работаютъ по тканямъ, вытканнымъ уэльскими ткачихами; великолѣпныя шелковыя вышивки города Лидса производятся на холстахъ, которые ткутся въ глухихъ Костромскихъ уѣздахъ и т. д.,—то этимъ закладывается болѣе прочный фундаментъ миролюбивымъ международнымъ отношеніямъ. Совмѣстная работа должна кончится тѣмъ, что люди узнаютъ и почувствуютъ другъ въ другѣ товарищей и потеряютъ всякую охоту къ взаимному истребленію.

Среди ежедневныхъ посѣтителей и слушателей докладовъ было 16 голландцевъ. Идеи союза пришлись имъ по вкусу. Особенно русскіе экспонаты были для нихъ истиннымъ откровеніемъ. Меня пригласили пріѣхать въ Голландію, прочитать нѣсколько лекцій и устроить конференцію и выставку въ разныхъ городахъ. Особенно улыбалась мысль устроить международную выставку ручного труда въ Гаагѣ въ 1913 г. во время конгресса мира. Какъ устроительница Союза, я и теперь продолжаю получать весьма лестныя предложенія изъ разныхъ городовъ Голландіи. Сколько мнѣ извѣстно, нашъ русскій ручной трудъ еще не пытался отворить для себя двери въ эту страну и даже съ матерьяльной точки зрѣнія такая выставка, а затѣмъ и постепенный сбытъ, могли бы дать заработокъ тысячамъ русскихъ кустарей, ремесленниковъ и художниковъ. Столкнуться съ такой страной, какъ Голландія, не на политической, а на практической почвѣ, въ мирѣ и согласіи, было бы весьма поучительно.

Въ Россіи уже существуютъ крупныя, такъ-называемыя, кустарныя организаціи, существуютъ также отдѣльные дѣятели и дѣятельницы, представители болѣе или менѣе значительныхъ районовъ тружениковъ. Если бы объединить всѣхъ этихъ дѣятелей, можно бы получить значительную силу, которая бы устроила постоянный сбытъ русскихъ крестьянскихъ издѣлій заграницей, обогащая при этомъ крестьянство, а не истощая его, какъ это дѣлается тогда, когда вывозятся питательные продукты.

Приведя все сказанное къ одному выводу, я повторю первое положеніе Международнаго Союза, которое говоритъ, что всякій хорошій *трудъ* есть *выраженіе любви*. Мы видѣли, что всѣ нарушенія законовъ труда, которыя привели насъ къ непriглядности настоящихъ его условій, происходятъ отъ *эгоизма*. Противопоставить эгоизму можно только одно—*служеніе*. *Служеніе и должно быть истинной основой нормальнаго труда*.

Я хорошо знаю, что мы нагромоздили въ теченіе вѣковъ цѣлые горы несправедливостей и нарушеній нравственныхъ законовъ. Я также знаю, что мы не сверхъ-люди и намъ не по силамъ побороть сразу столь долго копившееся зло; но есть нѣчто, что *каждый* изъ насъ можетъ, это—дѣйствовать въ своей собственной сферѣ, какъ бы мала она ни была, въ гармоніи съ этими законами. Изученіе этихъ законовъ и совмѣстное приложеніе ихъ къ жизни поведетъ не къ туманному идеализму, а къ новому, бо-

лѣе широкому и углубленному пониманію смысла жизни, что въ свою очередь вызоветъ потребность жить въ гармоніи съ этими законами; жить въ этой гармоніи станетъ для насъ современемъ столь же насущной потребностью, какъ ѣда и питье.

Глава VI.

ЗНАЧЕНІЕ ВЫШИВОКЪ.

Едва осмѣливаюсь коснуться мимоходомъ такой громадной области, такъ какъ вышивка включаетъ въ себѣ и происхожденіе, и символизмъ, и исторію, и миѳологію расъ.

Русская вышивка сохранила въ себѣ древнѣйшія традиціи и разсказываетъ слово за слово исторію вліяній климата и разстояній на различныя племена и вліяніе одного племени на другое. Она отражаетъ необъятныя протяженія нашего суроваго Сѣвера съ его безконечными лѣсами, и солнечный поэтичный Югъ, съ полями подсолнуховъ и дынями, которыя выкатываются на буйныхъ побѣгахъ черезъ канавы и плетни чуть не на самую дорогу. Она вмѣстила въ себѣ и Востокъ, который какъ сказочное зеркало отражаетъ богатыя сокровищницы искусства величайшихъ творцовъ и вдохновителей его, вмѣстила и Западъ со всѣми его народностями, и, съ точки зрѣнія памятниковъ народнаго творчества, представляетъ собой великое сліяніе различныхъ племенъ. И все это на территоріи въ 18 милліоновъ кв. миль, съ населеніемъ въ 156 милліоновъ.

Поэтому мы должны удовольствоваться лишь обмѣномъ кое-какихъ мыслей въ этой громадной сферѣ,

и если намъ удастся выяснить хотя бы одно главное положеніе того, что можетъ дать изученіе вышивокъ, мы вѣроятно ближе подойдемъ къ вѣрной оцѣнкѣ ея значенія, а современемъ, подъ флагомъ Международнаго Союза Труда, можетъ быть, увидитъ свѣтъ подробный иллюстрированный трактатъ вышивокъ всѣхъ странъ міра.

Въ самомъ началѣ надо сказать, что вышивка не только «масса красивыхъ пятенъ» или «что-то хорошенькое для отдѣлки платьевъ». Вовсе нѣтъ. Это—исторія человѣческой души и ея вѣчное выраженіе. Она несетъ въ себѣ завѣты изъ глубины вѣковъ и въ ней внѣдрены мысли и переживанія милліоновъ человѣческихъ существъ, уже отошедшихъ; и эти завѣты долговѣчнѣе человѣческой жизни и происхожденіе ихъ старѣе древнѣйшихъ книгъ нашихъ книгохранилищъ и теряется въ доисторическихъ временахъ.

Человѣкъ всегда стремился выразить свои мысли въ конкретной формѣ. Археологи находятъ въ камнѣ и въ металлахъ символы такой древности, что ученѣйшіе изъ нихъ иногда не могутъ опредѣлить ихъ дату. Камни и металлы одни только сохранились, остальное все погибло. Какимъ образомъ въ тѣ отдаленныя времена сплетались волокна различныхъ растеній въ рукахъ первобытной женщины и становились тканями и вышивками, это останется навсегда тайной. Усилія мужчины выразить свои мысли въ деревѣ, придавая ему форму и покрывая его знаками и символами, также безслѣдно погибли.

Однако изученіе ручного мастерства среди такъ называемыхъ дикихъ народовъ указываетъ путь, по которому шло развитіе художественнаго творчества. Мнѣ думается, что творчество этихъ «дикихъ» народовъ нельзя считать лишь элементарными усиліями, которыя мало по малу достигли до совершенства нашихъ дней. Тутъ и тамъ, въ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ случается видѣть издѣлія поразительно изящной, истинно художественной формы, въ которыхъ сказывается безошибочный вкусъ и чистота линій, безъ всякой искусственности и претензій. Удивительное искусство и любовное терпѣніе щедро расточались на самую скромную утварь домашняго обихода. Мнѣ случалось видѣть блюда для картофеля дикарей съ Сандвичевыхъ острововъ съ такой художественной рѣзьбой, какой не увидишь и на богатѣйшихъ вазахъ на столѣ милліонера.

Лично я не считаю ремесла началомъ искусствъ. Повидимому ремесла явились гораздо позднѣе, когда народилась уже потребность мѣны и необходимость въ заработкѣ. Искусство родилось раньше, родилось вмѣстѣ съ человѣкомъ, который всегда искалъ *выражать*, всегда стремился увѣковѣчить свои мысли въ конкретной формѣ: хижина, лодка, оружіе, одежда, утварь, все, до чего онъ ежедневно касался, становилось для него средствомъ этой потребности художника—*выраженія*. И такъ настоятельна была эта потребность, что не жаль было ни времени, ни труда, и никакая жертва не казалось тягостной. Всѣ эти мысли

неизбѣжно овладѣваютъ каждымъ, кто смотритъ на старинную творческую работу, или лучше сказать на жалкіе остатки ея, уцѣлѣвшіе тамъ и сямъ.

Искусство развивалось различными путями у различныхъ народовъ, подъ вліяніемъ многообразныхъ внѣшнихъ условій и внутренняго роста, и къ тому времени, какъ оно достигло своего высшаго уровня, человѣчество уже выработало нѣкоторую соціальную организацію: существовали уже раздѣленіе классовъ, рабство, торговля и международный обмѣнъ. Только тогда искусство перелилось въ ремесло и трудъ обратился въ *работу*. Потребность и радость выраженія были тогда утеряны въ насиліи и подчиненіи. Но ремесла продолжали развиваться въ теченіе всего средневѣкового періода, одна отрасль помогала другой, а всѣмъ имъ покровительствовала система цеховъ и все увеличивающееся значеніе труда. Короли и храмы были постоянными кліентами ремесленныхъ цеховъ. Среди этихъ ремеселъ развивалась съ незапамятныхъ временъ и вышивка. Каждая женщина, каждый мужчина носили расшитую одежду. Жилище каждаго было его храмомъ, религіозныя празднества—высшей точкой его достиженія.

Взглянемъ на страницы древней Библіи, вѣчно открывающія все новыя и новыя глубины и мы найдемъ въ ней частое упоминаніе ремеслъ.

«Господь исполнилъ его Духомъ Божіемъ, мудростью, разумѣніемъ, вѣдѣніемъ и всякимъ искусствомъ, составлять искусныя ткани, работать изъ золота,

серебра и мѣди, и рѣзать камни для вставливанія, и рѣзать дерево, и дѣлать всякую художественную работу. И способность учить другихъ вложилъ въ сердце его»...

«Онъ исполнилъ сердце ихъ мудростью, чтобы дѣлать всякую работу рѣзчика и искуснаго ткача и вышивателя по голубой, червленой и виссонной ткани... (Книга Исхода XXXV 30—35).

«И разбили они золото въ листы и вытянули нити, чтобы воткать ихъ между голубыми, пурпуровыми, червлеными и висонными *нитями* искусною работою» (XXXIX. 3).

«По подолу верхней ризы сдѣлали они яблоки изъ голубой, пурпуровой и червленой *шерсти*. И сдѣлали позвонки изъ чистаго золота, и повѣсили позвонки между яблоками по подолу верхней ризы кругомъ: позвонокъ и яблоко, позвонокъ и яблоко, по подолу верхней ризы кругомъ для служенія, какъ повелѣлъ Господь Моисею... (XXXIX. 24—27).

Итакъ, въ эти отдаленныя, почти миѳическія времена вышивка среди другихъ ремеслъ считалась трудомъ, полнымъ значенія и важности, и была преподаваема тѣми, «кто исполненъ былъ мудростью». Изображаемые ею предметы вовсе не были случайной фантазіей или образомъ, навѣяннымъ окружающей природой. Одежда Аарона была расшита по подолу помгранатами, а между ними были колокольчики. Что же это означало? Помгранаты были символомъ Слова Божьяго, питающаго душу человѣка сладкой и освѣ-

жающей пищей, а колокольчики изображали *звукъ* этого Слова. И тотъ, кто изучаетъ символизмъ вышивокъ, найдетъ помгранату въ каждой странѣ, занесенную очевидно съ церковныхъ вышивокъ въ ежедневный обиходъ и пережившую великое множество поколѣній, перемѣнъ климата, правительствъ, классовъ и состояній безъ всякой перемѣны. Я находила помгранты на дальнемъ Сѣверѣ, въ Вологодской и Архангельской губ., почти на берегахъ Бѣлаго моря, куда не могли попасть городскіе рисунки. Я находила ихъ на крестьянскихъ передникахъ или подзорахъ у женщинъ, которыя не только никогда не видали помгранаты, но и не слыхали о существованіи такого плода. Это можетъ послужить примѣромъ, какъ символы передаютъ завѣтъ изъ глубины вѣковъ тѣмъ, кто способенъ воспринять его. Не знаю, почему археологи приписываютъ научное значеніе только памятникамъ изъ камня или желѣза, а къ вышивкѣ относятся свысока...

Много лѣтъ тому назадъ на Чикагской выставкѣ мнѣ посчастливилось пріобрѣсти кусокъ болгарской вышивки, не современной, сдѣланной для продажи туристамъ, а кусокъ, оторванный отъ крестьянской рубахи. Я принесла его домой и стала внимательно разбирать его швы, онъ мнѣ показался роднымъ и знакомымъ, какъ лицо стараго друга. Нѣсколько лѣтъ позже къ этой вышивкѣ я приложила другой идентичный кусокъ, хотя послѣдній былъ купленъ въ южномъ Поволжьи и носила его черемиска. Позднѣе я

нашла слѣды болгарскихъ поселенiй въ этой мѣстности и большое село Болгары. Эти двѣ вышивки имѣли тѣ же символы, ту же окраску и даже ту же технику, и служили краснорѣчивымъ доказательствомъ происхожденiя черемисъ. Такихъ наблюденiй можно сдѣлать великое множество.

Появленiе въ вышивкахъ формъ окружающей природы обыкновенно совпадаетъ съ позднѣйшей эпохой и указываетъ на сравнительно новѣйшiя влiянiя. Таковъ, напримѣръ, растительный элементъ въ рисункахъ Малороссiи. За исключенiемъ рыбы, животныхъ почти не встрѣчается. Рыба часто появляется на гончарныхъ издѣлiяхъ и быть можетъ могла бы быть отнесена къ символу первыхъ вѣковъ христiанства. Тогда какъ въ Великороссiи, особенно на сѣверѣ, мы постоянно встрѣчаемся съ изображенiемъ птицъ. На самыхъ старинныхъ экземплярахъ символическiя птицы: павлинъ, лебедь, утка, всегда между геометрическими символами съ очевидными намеками на двойственность, троицу, древо жизни, безконечныя варiяцiи на число семь и т. д.; также райская птица и конь со всадникомъ, соединенные въ одно. Быть можетъ это указываетъ на то, что Сѣверъ Россiи, какъ болѣе удаленный отъ иностранныхъ влiянiй, сохранилъ первобытные символы въ болѣе нетронутомъ видѣ чѣмъ Югъ, гдѣ западное влiянiе сказывалось сильнѣе? И распространенiе растительнаго элемента въ Малороссiи принадлежитъ въ сущности къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ памятники Сѣвера. Старѣйшiя вышивки Полтавской,

Кіевской и Черниговской г. сохранили еще много символизма. Любимый рисунокъ, называемый въ переводѣ на русскій языкъ «ломаное дерево», представляетъ безконечную ломаную линію, изъ которой отвѣтвляются направо и налѣво трехлепестные цвѣты. Не замѣняетъ ли этотъ символъ сѣвернаго «древа жизни»?

Священные символы, какъ свастика, крестъ, треугольникъ и т. д., на языкѣ толпы превратились въ наше время въ «талисманы», въ какіе-то пережитки дикихъ «суевѣрій» нашихъ праотцевъ. Мы думаемъ, что навсегда покончили со всѣмъ этимъ.

Тѣмъ не менѣе эти символы живутъ среди насъ; такъ или иначе, они привлекаютъ многихъ своимъ таинственнымъ смысломъ и нѣтъ ни художника, ни ремесленника, который бы не пользовался ими въ камнѣ и металлѣ, въ тканяхъ и вышивкахъ. Но и тутъ, въ передачѣ готовыхъ сохранившихся символовъ, случаются постоянныя неудачи. Почему это такъ?

Ограничиваясь сферой вышивки, я постараюсь прослѣдить эти причины. Въ производствѣ вышивки дѣйствуетъ, какъ и во всякомъ другомъ графическомъ искусствѣ, извѣстный законъ. Переступить этотъ законъ такъ-же гибельно, какъ и во всякомъ другомъ искусствѣ. Получится безобразіе вмѣсто красоты, боль вмѣсто радости и упадокъ вмѣсто развитія. Разсмотримъ нѣкоторыя черты старинной и современной вышивки и постараемся открыть дѣйствующій въ нихъ законъ.

Старинная вышивка употреблялась для одежды повседневнаго употребленія. Вышивка всегда слѣдовала

по линіи построенія. Одежда въ повседневномъ употребленіи изнашивается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе, чѣмъ въ другихъ; такія мѣста обыкновенно были покрыты плотными стежками. Напр.: плечо, воротъ, край рукава, передъ и т. д.

Современная вышивка ищетъ только эффектовъ, часто весьма искусственнымъ образомъ, разсыпая украшенія тамъ, гдѣ ихъ не требуется. Художникъ выдумываетъ новыя декоративныя схемы безъ всякой необходимости, кромѣ моды. Это конечно никогда не укроется отъ опытнаго глаза. Во всѣхъ этихъ излишествахъ онъ ясно видитъ только одно: продажную цѣль фабриканта. Для этой цѣли работаютъ художникъ, мода и грозная армія машинъ, а индивидуальный «вкусъ» тѣхъ, кто все это носитъ, лишь иллюзія.

Старинная одежда и старинныя ткани задумывались и работались очень серьезно: онѣ должны были служить долго, часто нѣсколькимъ поколѣніямъ. Каждая подробность задуманной одежды обдумывалась тщательно; ленъ, шерсть или шелкъ, которые надо выпрясть для ткани; качество самаго пряденія; затѣмъ, сообразно съ временемъ года и погодой, начинался сборъ красильныхъ растеній, корней, цвѣтовъ и коры, а потомъ и окраска пряжи, предназначенной для задуманной одежды.

Когда наступало солнцестояніе, начинали тканье, при соблюденіи множества различныхъ обрядовъ. Я нисколько не удивлюсь, если когда-либо въ какихъ-нибудь старинныхъ записяхъ откроется нѣкоторая

тѣсная связь между всей этой человѣческой дѣятельностью и жизнью звѣзднаго неба и между ними установится одно гармоническое цѣлое. Изъ этой интересной сферы до насъ дошли лишь разрозненные обрывки въ пѣсняхъ ткачей (въ Греціи) или въ описаніяхъ одежды богатырей въ русскихъ былинахъ. Весьма вѣроятно, индусскія преданія могутъ пролить болѣе свѣта на эти виды искусства, тканья и вышивки, которыми въ древніе вѣка занимались даже и царственныя особы, а теперь они сданы въ жалкія руки и оплачиваются, какъ поденная работа. И однако, даже и теперь творчество исходитъ именно изъ этихъ жалкихъ рукъ менѣе «образованныхъ» классовъ, которые сохранили еще старинныя традиціи хорошей работы; по крайней мѣрѣ, такъ было до самыхъ послѣднихъ лѣтъ; а образованныя женщины за самымъ простымъ «узоромъ» обращаются къ печатнымъ листкамъ, слѣдуя имъ слѣпо, за матерьяломъ идутъ въ магазинъ, а за вдохновеніемъ обращаются къ модѣ.

Въ старинныя времена вышивка всегда составляла одно цѣлое съ тканью, на которой она была шита, и въ большинствѣ случаевъ (по всей вѣроятности всегда—если доберемся до старины) изнанки не существовало. Вышивка можетъ разсматриваться какъ дальнѣйшее развитіе ткани. И такъ же, какъ въ ткани челнокъ пронизываетъ сосчитанныя нитки основы, такъ же точно и игла набираетъ сосчитанныя нитки данной ткани и рисунокъ растетъ. Въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ возникло и безчисленное мно-

жество различныхъ швовъ и системъ. Когда на пути развитія извѣстная система достигала совершенства, она кристаллизовалась, дѣлалась традиціонной и переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ было въ пѣснѣ, рисункѣ; такъ было въ каждомъ искусствѣ. Сначала давалась религіозная идея, потомъ синтезъ ея въ символѣ, затѣмъ развивался способъ ея выраженія и передачи ее потомству. Если потомство не разбираетъ завѣта, это не вина оригинальной идеи, а потеря способности воспринимать идеи интуитивнымъ способомъ, быть можетъ вслѣдствіе ложнаго воспитанія или привычки ума къ повторенію, а не къ творчеству.

Современная вышивальщица не считаетъ нитокъ. Она рисуетъ или еще чаще переводитъ напечатанный узоръ легкимъ, механическимъ способомъ на ткань, и такимъ образомъ получается двѣ схемы, которыя не могутъ слиться воедино. Ткань (обыкновенно машинная) и вышивка, наложенная извнѣ, не имѣютъ никакого сродства между собой. Иногда случается даже, что какіе-нибудь цвѣты или орнаменты вышиваются на шелковой парчѣ или «штофѣ» (камкѣ). Тогда это является одной схемой цвѣтовъ или орнаментовъ, вторгающейся въ другую. Можно ли удивляться, что получается дисгармонія?

Смотря на модную картинку, изданную 20—30 лѣтъ тому назадъ, мы смѣемся или пожимаемъ плечами (такъ же отнесутся наши внуки и къ современнымъ модамъ), но греческія одежды въ статуѣ или

картинѣ, библейскія одежды, которыя носили тысячелѣтія тому назадъ, сохранившіяся въ музеяхъ въ видѣ драгоцѣнныхъ обрывковъ, дѣйствуютъ на насъ совершенно иначе. Мы чувствуемъ ихъ красоту, потому что сознаемъ необходимость киждой линіи, каждаго украшенія.

Эти три поименованныя причины однѣ были бы достаточны для объясненія неудачъ, но есть одна, самая существенная изъ всѣхъ, это—*ложная окраска*.

Цвѣтъ играетъ самую существенную роль въ впечатлѣніяхъ человѣка. Настроенія природы и ея щедрые дары въ безконечномъ разнообразіи деталей выражаются всѣ въ колоритѣ. Все это въ былое время передавалось пигментами, взятыми изъ растительнаго царства, но это искусство теперь исчезло и забыто. Утрата его гораздо важнѣе, чѣмъ думаютъ люди, т. к. это отзовется не только на ремеслахъ, но и на моральномъ и физическомъ строеніи человѣка.

Въ короткомъ очеркѣ невозможно подробно говорить о вліяніи раздѣленія классовъ на ремесла и о постепенномъ приспособленіи одежды къ жизни бѣднаго труженика или богатаго тунеядца *). Для одежды послѣдняго ничего не жалѣли. Употреблялись рос-

---

*) Я гдѣ-то читала, что въ Китаѣ дворяне носили панталоны невѣроятной длины, которая на нѣсколько футовъ превосходила длину ногъ. Человѣкъ въ такой одеждѣ конечно не могъ ходить и его приносили и уносили слуги. Полагаю, что происхожденіе дамскихъ «шлейфовъ» можно отнести къ тому же стремленію подчеркнуть состояніе праздности или свободы отъ труда привилегированныхъ классовъ.

кошнѣйшія ткани, какія только можно было найти въ данную эпоху. Тысячи искусныхъ ремесленниковъ или рабовъ украшали ихъ съ безконечнымъ терпѣніемъ, цѣнныя шелковыя и золотыя нитки шли на вышивку, и драгоцѣнные камни, сверкавшіе между ними, доводили цѣнность одеждъ до баснословныхъ суммъ. И однако не эти одежды составляютъ теперь гордость и богатство музеевъ, а одежда простыхъ крестьянъ (до той минуты, когда и она становилась модной). Вотъ что остается классическимъ и выражаетъ истинныя линіи красоты.

Глава VII.

О РАСТИТЕЛЬНОЙ ОКРАСКѢ.

Было время, когда всѣ цвѣта, одежды и убранства домовъ были прекрасны. Немногіе художники, которые передаютъ въ наше время подлинный колоритъ Востока, развертываютъ передъ нами чрезвычайную гармонію тоновъ, сильные и опредѣленные эффекты въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Такое впечатлѣніе получается напримѣръ отъ картинъ Верещагина. По всей вѣроятности, зарисовывая то, что видѣлъ, онъ не думалъ о томъ, какъ были окрашены одежды, а просто писалъ и вѣрнымъ глазомъ художника угадывалъ и передавалъ подлинный оттѣнокъ. Но глазу красильщика ясно, что эти чудные голубые, сильные ржаво-красные или нѣжнѣйшіе зеленые цвѣта не долго остались бы таковыми подъ знойными солнечными лучами Востока, лучами, которые становятся еще болѣе интенсивны, отражаясь на бѣлыхъ и ярко-желтыхъ пескахъ. Да, отъ современныхъ красокъ не осталось бы и слѣда для кисти художника. Библейскіе сюжеты часто изображаются и въ наше время; художники и иллюстраторы не жалѣютъ яркихъ красокъ для восточныхъ сценъ, но въ большинствѣ случаевъ, цвѣта эти берутся на угадъ и поэтому, съ точки зрѣнія

колорита, ни мѣстность, ни эпоха не соблюдены. Время конечно великое затрудненіе въ этомъ случаѣ. Какимъ образомъ возможно представить вѣрную окраску одеждъ, которыя носили 2000 лѣтъ тому назадъ?

Для этого существуетъ только одно средство. Это— изученіе методовъ окраски различныхъ волоконъ, которыя употреблялись для тканей того времени. И нужно прибавить, что до сихъ поръ сохранилось гораздо болѣе слѣдовъ этой эпохи, чѣмъ люди думаютъ.

Нѣкоторые методы упоминаются въ древней литературѣ, иные живутъ еще среди такъ называемыхъ нецивилизованныхъ племенъ; удивительные, многодѣльные процессы, образцы которыхъ сохранились въ музеяхъ. Иные исчезли безслѣдно вмѣстѣ съ переходомъ терпѣливыхъ искусныхъ рукъ въ потусторонній міръ, а иные еще и теперь практикуются, хотя и вытѣсняются все больше и больше минеральной и химической окраской. Послѣдняя больше подходитъ къ фабричному производству, такъ какъ она дешевле и легче поддается оптовой системѣ, тогда какъ растительная окраска есть традиціонное искусство, требующее индивидуальныхъ способностей и опыта.

По всей вѣроятности искусство окраски такъ же старо, какъ человѣчество. Мы считаемъ Финикіянъ первыми красильщиками, но только потому, что не знаемъ тѣхъ, которые были до нихъ. Первый пигментъ, который сталъ для насъ извѣстнымъ, былъ пурпуръ, открытый Греками въ концѣ 16 столѣтія до Р. Х. Иные утверждаютъ, что это было въ 15-мъ

столѣтіи до Р. X. Онъ добывался изъ одной породы раковинъ, былъ очень цѣненъ и носился только людьми царскаго происхожденія. Есть нѣсколько старинныхъ авторовъ, которые говорятъ о пурпурѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ значительныхъ промысловъ Лидіи*). Во времена перваго посланія апостола Павла къ Филлиппійцамъ въ Македонію, первой, обращенной въ христіанство, была женщина по имени Лидія, или одна изъ женщинъ Лидіи; она была продавщицей пурпура.

Нѣсколько разновидностей моллюсковъ Средиземнаго моря давали пурпуръ различныхъ тоновъ. Изъ каждой раковины получалось одна, иногда двѣ капли, для чего вынималась и выжималась железа, помѣщающаяся въ горлѣ моллюска. Плиній сообщаетъ, что мелкіе моллюски раздавливались цѣликомъ, а Витрувій утверждаетъ, что и съ крупными моллюсками часто поступали такъ же, хотя такой способъ долженъ былъ вліять неблагопріятно на чистоту краски.

Шерсть, окрашенная этимъ пигментомъ, обходилась такъ дорого, что во время царствованія Августа фунтъ такой шерсти стоилъ 1000 римскихъ динарій (около 360 руб.). Существовали законы, жестоко каравшіе тѣхъ, кто осмѣливался носить одежду изъ такой шерсти. Иногда кара доходила до смертной казни. Искусство окраски пурпуромъ сосредоточилось благодаря этому въ рукахъ немногихъ людей, жившихъ на иждивеніи римскихъ императоровъ, а въ началѣ 12 столѣтія до Р. X. оно совершенно уте-

*) Плиній VII. 57. Страббонъ XIII. IV. 14.

рялось, сохранившись только въ старинныхъ рукописяхъ, и въ продолженіи многихъ столѣтій считалось навсегда погибшимъ искусствомъ.

Но въ 1683 году окраска пурпуромъ появилась снова и практиковалась въ Ирландіи, Сомерсетѣ и Южн. Валлисѣ.

Повсемѣстное уничтоженіе растительной окраски произошло не такъ давно, съ тѣхъ поръ, какъ Бунзенъ открылъ анилиновыя краски и тѣмъ создалъ новую науку крашенія. Его открытіе низвело многодѣльное, индивидуальное искусство окраски въ простой, механическій процессъ. Химическая формула одна для всѣхъ и результатъ получается всегда одинаковый. Въ наше время не зачѣмъ изучать и химическіе процессы для того, чтобы быть въ состояніи окрасить что либо. Красильныя фабрики содержатъ штатъ химиковъ, готовыя краски удобно пакуются и каждый можетъ купить приготовленную краску и примѣнить къ ней любимый, современный автоматическій способъ; «нажми пуговку и дѣло въ шляпѣ». Да, это было великое открытіе, но оно убило красоту въ окраскѣ тканей, ковровъ, вышивокъ и наполнило свѣтъ неестественнымъ, кричащимъ ложнымъ колоритомъ; но все это ничтожно въ сравненіи съ бо̀льшимъ зломъ, которое оно принесло: оно мало по малу убило понятіе красоты въ двухъ послѣднихъ поколѣніяхъ. Ежедневно можно слышать въ разговорахъ молодыхъ людей восхищеніе какими нибудь «прелестными» цвѣтами, отъ которыхъ у художника становятся волосы

дыбомъ. Мы притупили свое воспріятіе цвѣтовъ постояннымъ лицезрѣніемъ жесткихъ, кричащихъ цвѣтовъ, куда бы мы не обратили глаза. Однѣ афиши, своими крупными пятнами невозможныхъ, розовыхъ, лиловыхъ, желтыхъ или голубыхъ цвѣтовъ, могутъ ослѣпить каждый художественный глазъ. Я воздержусь отъ разбора современныхъ цвѣтовъ, излюбленныхъ фабрикантами, начиная съ болѣзненныхъ, линючихъ оттѣнковъ до невыносимо кричащихъ анилиновыхъ окрасокъ, которыя однако господствуютъ въ каждомъ лавочномъ окнѣ, преслѣдуютъ насъ по всѣмъ улицамъ въ дамскихъ перьяхъ и чудовищныхъ украшеніяхъ. Какъ примѣръ вырожденія цвѣтоваго воспріятія даже среди художниковъ, укажу, напримѣръ, на то, какъ въ настоящее время копируютъ Помпейскія фрески. Тѣ, кому удалось побывать тамъ, не забудутъ богатаго глубокаго, краснаго цвѣта, преобладающаго на сохранившихся стѣнахъ Помпеи. Эти фрески привлекаютъ многихъ художниковъ, которые копируютъ ихъ на свои холсты. Увы, почти всегда они исправляютъ этотъ красивый цвѣтъ и пишутъ его ярче и жестче древняго. Очевидно *настоящій* оттѣнокъ не удовлетворяетъ глаза, притупившагося отъ всевозможныхъ *подѣлокъ*. Бунзенъ вѣроятно никогда не воображалъ, что его даръ дешевыхъ красильныхъ веществъ будетъ такъ использованъ или, лучше сказать, такъ употребленъ во зло. Если бы онъ могъ себѣ представить то, что мы видимъ теперь, и что перестало поражать насъ, онъ быть можетъ, подумалъ бы два раза, прежде чѣмъ передать свое открытіе міру.

Я не могу сказать, чтобы въ древности минеральныя вещества не употреблялись совсѣмъ для окрашиванія. Но они употреблялись какъ протравы, чтобы подготовить волокно шерсти, шелка, льна или бумаги къ легчайшему воспріятію краски. Краской же былъ всегда растительный пигментъ, а не химическія вещества, способныя къ новому и неожиданному соединенію подъ вліяніемъ реакціи солнечныхъ лучей, сырости и разныхъ реагентовъ воздуха и воды. Пигменты, ихъ нахожденіе и употребленіе — это благородная наука, столь же древняя, какъ появленіе человѣка на землѣ. Древнѣйшіе наши предки знали эту науку и пользовались корой деревьевъ, ягодами, орѣхами, цвѣтами и травами и добывали изъ нихъ краски такой прочности, что онѣ сохранялись въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ. Папирусы древняго Египта наглядно доказываютъ эти факты.

Но недалеко уже то время, когда мы захотимъ вернуть утраченное. Это движеніе уже началось и развивается шире и шире. Стремленіе вернуться къ болѣе естественному образу жизни, устраивать свою жизнь не на оптовый ладъ, въ тѣснотѣ и вредныхъ условіяхъ коммерческихъ центровъ, но маленькими индивидуальными группами, сказывается уже въ англійскихъ городахъ-садахъ и во множествѣ отдѣльныхъ домовъ и хозяйствъ, разбросанныхъ по лѣсамъ и холмамъ вокругъ каждаго большаго города Англіи. Есть даже люди, которые предпочитаютъ жить круглый годъ въ палаткахъ; я лично знаю двухъ (инженеръ

въ Шотландіи и молодая барышня въ часовомъ разстояніи отъ Лондона), которые живутъ круглый годъ въ приспособленныхъ старыхъ омнибусахъ. Молодой человѣкъ устроилъ свое жилье очень гигіенично изъ одного экипажа, а барышня не удовольствовалась однимъ, а занимаетъ три омнибуса. Я не смотрю на это какъ на причуду, а скорѣе какъ на стремленіе вернуться къ болѣе здоровой жизни. Слово «вернуться» не должно вводить въ заблужденіе. Это не регрессъ, а *прогрессъ*. Тотъ, кто въ настоящее время живетъ въ палаткѣ, въ смыслѣ культуры можетъ быть не только впереди какого нибудь кочевника азіатской Россіи, но и впереди чикагскаго денди, живущаго на 32-мъ этажѣ знаменитаго отэля съ 10-ю различными звонками, при свѣтѣ четырехъ электрическихъ люстръ и съ вѣчно движущейся лентой съ цифрами биржевой котировки, на которой мелькаютъ безконечные ряды знаковъ. Нѣтъ, «вернуться» въ этомъ смыслѣ, также какъ вернуться къ землѣ, есть рѣшительный шагъ впередъ, а не назадъ.

Мы устали отъ машиннаго труда, отъ бездушнаго однообразія готоваго платья, готовой пищи, готовыхъ фразъ, всей этой автоматичной жизни. Мы боимся этого порабощенія души, боимся превратиться сами въ машину. Намъ хочется заручиться, хотя бы для подрастающаго поколѣнія сободой мысли, вкуса и стремленій, не подбитыхъ оптовой мануфактурой, оптовымъ воспитаніемъ и оптовыми развлеченіями. Мы начинаемъ оцѣнивать индивидуальность и готовы жер-

твовать завлекательными удобствами большихъ, многолюдныхъ городовъ въ пользу человѣчной и здоровой жизни.

Эта обновленная жизнь, прорывающаяся теперь по всему свѣту молодыми всходами, должна неизбѣжно выразиться въ ручномъ трудѣ, такъ какъ послѣдній есть прямое слѣдствіе такой жизни, ея самая здоровая черта, отдыхъ утомленнаго мозга; заработокъ для нуждающагося, наслажденіе для обезпеченныхъ, вдохновеніе художниковъ.

А если это такъ, я берусь доказать, что первая буква изъ азбуки красоты есть *растительная окраска*. Также какъ для художника первая необходимая забота въ томъ, чтобы достать палитру и краски, такъ для ткача, вышивальщицы, портнихи, шляпочницы и каждаго, кто имѣетъ дѣло съ одеждой или убранствомъ домовъ,—окраска есть первая необходимость.

То, что могли дѣлать наши предки, конечно, въ состояніи сдѣлать и мы. Мы сдѣлаемъ это легче, со всѣми нашими усовершенствованіями, съ нашими улучшенными путями сообщенія, съ центробѣжными сушилками, водопроводами и прочими удобствами. Множество цѣнныхъ красильныхъ растеній не только водится въ любой мѣстности Россіи, но сборъ этихъ корней, цвѣтовъ, ягодъ, коры, травъ и листьевъ могъ бы дать крестьянамъ хорошій зароботокъ ранней весной, когда заработки всего нужнѣе, а полевыхъ работъ еще не много.

То, о чемъ я говорю, не сонъ и не мечта; напротивъ, все это очень реально.

На Международной Выставкѣ Ручного Труда въ Англіи, въ августѣ 1911 года, я выставила образцы отрѣзанные нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ прекрасныхъ тканей, окрашенныхъ въ моей собственной красильнѣ, а также моточки шерсти, льняныхъ и бумажныхъ нитокъ и шелка, взятыхъ изъ большихъ запасовъ, которые тогда наполняли цѣлыя кладовыя. Возлѣ нихъ я помѣстила и тѣ пигменты, изъ которыхъ получились всѣ эти разнообразные цвѣта и оттѣнки: марену, индиго, верескъ, кору дубовую, ольховую, ивовую, головки цвѣтовъ и проч.

Надо думать, что происхожденіе красильнаго искусства также древне, какъ само человѣчество.

Несомнѣнно, что и это искусство пришло въ Европу съ Востока. Особенно южный Востокъ, богатый разнообразной и роскошной растительностью, служилъ съ незапамятныхъ временъ колыбелью растительной окраски. Съ искусствомъ индусовъ и китайцевъ можно легко ознакомиться и теперь по существующимъ памятникамъ въ музеяхъ и даже по сохранившимся пріемамъ окраски въ забытыхъ цивилизаціей уголкахъ Китая и Индіи.

Банкрофтъ сообщаетъ, что въ Индіи съ этой цѣлью употреблялись кисти и патроны, а въ Китаѣ доски съ вырѣзанными на нихъ фигурами. Послѣднія употребляются и до сихъ поръ въ Россіи, а также и доски съ наколотыми мѣдными гвоздиками, которыя еще можно видѣть у любого деревенскаго синильщика, работающаго сохранившуюся и до сихъ поръ набойку.

Плиній разсказываетъ, что въ Египтѣ окрашивали ткани удивительнымъ образомъ: покрывъ опредѣленныя мѣста ткани безцвѣтнымъ веществомъ, и погрузивъ за тѣмъ ткань въ красящую жидкость, вынимали изъ нея ткань, окрашенную только на опредѣленныхъ мѣстахъ. Точно такъ-же дѣлаютъ наши русскіе синильщики. Обыкновенная набойка въ два цвѣта, синій (индиго) и бѣлый, встрѣчаются повсюду, гдѣ крестьяне не перестали носить набойку. А различные цвѣта уцѣлѣли лишь въ немногихъ мѣстахъ, хотя они начинаютъ снова возрождаться.

Что касается кисти, упоминаемой Банкрофтомъ, то мнѣ лично попадались образцы такой работы, необыкновенно живописной и художественной, золотисто-коричневой растительной окраски съ острова Явы.

Весьма отрадно упомянуть по этому поводу, что искусство это снова начинаетъ возрождаться на остр. Явѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ современныхъ художницъ. Что же касается патроновъ, то и этотъ своеобразный способъ все еще существуетъ въ Индіи, несмотря на быстрое исчезаніе старинныхъ пріемовъ подъ вліяніемъ англійской фабричной культуры.

Въ моей коллекціи есть образецъ такого узорнаго крашенія, привезеннаго изъ Индіи. На видъ этотъ образецъ представляетъ не ткань, а тѣсно сидящіе узелки, перевязанные ниткой, окрашенные въ темный красновато-коричневый растительный пигментъ. Если распустить узелки одинъ за другимъ, появляется причудливый узоръ безконечныхъ оттѣнковъ того-же

цвѣта, отъ исчерна-коричневыхъ до самыхъ блѣдныхъ розоватыхъ просвѣтовъ включительно.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о пріемѣ узорной окраски, сохранившейся въ Бухарѣ и на Кавказѣ. Это дѣлается посредствомъ перевязыванія мотковъ шелковой пряжи въ разсчитанной послѣдовательности. Мотки пряжи окрашиваются тѣмъ или инымъ цвѣтомъ и при каждой окраскѣ часть перевязокъ снимается, пока не получится желаемое количество цвѣтовъ и тѣней. При тканьѣ эти цвѣта сами собой располагаются узоромъ, который отличается мягкими очертаньями. Такое тканье было демонстрировано на Нижегородской выставкѣ въ 1896 году.

Умѣнье употреблять протравы также пришло изъ Индіи. Проникновеніе красильнаго искусства съ Востока въ Европу весьма интересно, но оно выходитъ за предѣлы этого очерка. Достаточно упомянуть, что въ XI в. оно вторично водворилось въ Италіи, а оттуда распространилось и въ другія государства Европы. Въ XV вѣкѣ и въ Германіи, и въ Англіи существовали уже цехи красильщиковъ. Въ XVI в. появилась и литература по этому вопросу. Въ XVIII в., въ исполненіе постановленій Кольбера, учреждена была постоянная комиссія изъ членовъ Парижской Академіи Наукъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность слѣдить за развитіемъ красильнаго искусства во Франціи. Въ 1760 г. министръ земледѣлія Бертенъ выписалъ изъ Смирны сѣмена марены и роздалъ ихъ хозяевамъ на югѣ Франціи.

Но настоящее развитіе этой отрасли пошло съ тѣхъ поръ, какъ ею занялся Персіянинъ Альтенъ въ 1786 г. Къ концу XIX в. въ Воклюзскомъ департаментѣ марены добывалось на сумму 25—30 милліоновъ франковъ. Альтену и памятникъ воздвигнутъ въ Авиньонѣ.

О разведеніи марены на Кавказѣ можно бы написать цѣлые томы. А въ Сибири, по берегамъ Оби и Иртыша, марена растетъ дико въ изобиліи. Роль марены одна изъ самыхъ важныхъ въ красильномъ искусствѣ, и она раньше занимала болѣе важное мѣсто, чѣмъ индиго, такъ-какъ ситцевое производство всего свѣта опиралось на пигментъ марены.

Вотъ почему и до сихъ поръ раздаются вздохи о добрыхъ старыхъ временахъ, когда ситцы были прочные, «безъ износу». Фрацузская литература особенно богата разработкой этого вопроса. Нынче эти книги продаются на вѣсъ золота *). Онѣ издавались съ образцами тканей, взятыхъ во всѣхъ послѣдовательныхъ процессахъ промыванія. Все это снова можетъ возродиться если обыватели дѣйствительно захотятъ красивой и прочной окраски и предпочтутъ покупать обновки не такъ часто, платить подороже и не мириться съ дрянными цвѣтами.

Искусство окраски растительными веществами продолжаетъ встрѣчаться во многихъ уголкахъ земного шара. Въ Великобританіи, ирландцы и шотландцы окрашиваютъ шерсть водорослями и верескомъ; въ

*) Traité de l'impression des tissus par I. Persoz 1836 г.

Россіи все еще распространена окраска индиго. Въ Малороссіи разнообразная окраска шерсти, изъ которой въ старину ткали плахты и ковры, пережила всеобщее разореніе, хотя она уже близка къ исчезновенію. Во Франціи плантаціи марены ограждены закономъ и находятся въ вѣдѣніи правительственной коммиссіи. Индиго еще играетъ важную роль въ торговлѣ, но теряетъ почву съ каждымъ днемъ. Говоря объ индиго, нельзя не упомянуть еще одного очень важнаго условія. Если вникнуть въ этотъ вопросъ поглубже, приходишь къ заключенію, что большая часть растительной окраски, производимой мареной и индиго фабричнымъ способомъ, до такой степени уродуется антихудожественной «отдѣлкой товара»—крахмаленьемъ, голландрой, пропусканіемъ черезъ горячіе валы, что если при этомъ и сохраняется прочность, красота совершенно утрачивается. Недавно мнѣ пришлось разсматривать экспонатъ самой крупной индиговой англо-французской фирмы (Filature et Tissage à Pondichery, Indes Française), состоявшій изъ многихъ сотенъ бумажныхъ и шерстяныхъ тканей, и я не могла выбрать ни одной сколько-нибудь красивой ткани. Все это приготовляется для вывоза на тѣ рынки, которые Англія съ такимъ трудомъ и упорствомъ захватываетъ для себя, а шерстяныя ткани—изъ-за необыкновенной прочности—идутъ морякамъ. Одинъ кусокъ гладкой некрасивой ручной ткани съ непріятнымъ лиловатымъ оттѣнкомъ, напоминающимъ гектографныя чернила, я взяла домой, отмочила въ водѣ, отмыла

съ мыломъ и по высушкѣ кусокъ этотъ оказался весьма красивой бумажной тканью мягкаго синяго цвѣта; лиловатый оттѣнокъ исчезъ и ткань, освобожденная отъ жесткихъ крахмальныхъ и другихъ примѣсей, стала ложиться мягкими красивыми складками.

Явленіе это весьма естественно и вызвано нашей собственной волей: сложили съ себя елико возможно всякій индивидуальный трудъ, тѣло свое поручили доктору, душу—священнику, имущество и возникающіе въ связи съ нимъ споры—адвокату; наконецъ все, что составляетъ внѣшнюю красоту одежды и домашняго убранства—фабриканту. Воцарившись въ нашей жизни, такая спеціализація уже проявила себя съ самой плачевной стороны. Тѣло наше изболѣлось; душа—также; имущества растеряны въ разнаго рода крахахъ; модныя одежды приводятъ истиннаго художника въ содроганіе. Тѣ немногіе фабриканты, которые заботятся о красотѣ складокъ, объ игрѣ цвѣтовъ, легкости и воздушности ткани, а главное, о вѣчной перемѣнѣ моды—тѣ не прибѣгаютъ къ растительной окраскѣ. Имъ нужны всѣ цвѣта, возможные и невозможные, которые когда-либо посѣщали ихъ кошмарныя видѣнія. Для *такихъ* требованій, того, что осталось отъ забытыхъ и заброшенныхъ нѣжныхъ оттѣнковъ растительныхъ цвѣтовъ, которыхъ добивались древніе терпѣливые художники-ремесленники,—слишкомъ мало. Чудные венеціанскіе красные богатые цвѣта, глубокіе голубые, веселые желтые и зеленые—исчезли безслѣдно. Только коричневые, сѣрые и синіе еще остались

въ употребленіи. За всѣми остальными обращаются къ химическимъ «порошкамъ». Окунулъ и готово! Тамъ, гдѣ въ ходу еще растительная окраска, красится обыкновенно только шерсть, т. к. послѣдняя, какъ животное волокно, легче принимаетъ окраску, чѣмъ растительное волокно. Тѣ, кто никогда не пробовалъ красить что-либо, могутъ сами произвести опытъ. Если развести какую-либо краску и сварить въ ней нити шерсти, льна, бумаги и шелка, они увидятъ, что шерсть и шелкъ приняли цвѣтъ раствора, бумага слегка окрасилась, а льняная нитка только какъ бы запачкалась.

Во время первыхъ лѣтъ моей кустарной работы въ Россіи, когда я возстановляла съ помощью орловскихъ и тульскихъ бабъ превосходные, унаслѣдованные отъ русской старины образцы тканей и вышивокъ, безграмотныя бабы, которыя никогда до тѣхъ поръ не работали на продажу, внезапно выступили на Орловской выставкѣ съ прекрасными издѣліями, красота которыхъ поразила всѣхъ. Весь секретъ заключался въ томъ, что въ тѣ, сравнительно отдаленныя времена русской кустарной дѣятельности, считалось, что только ремесленная школа можетъ дать хорошую подготовку и всякая кустарная дѣятельность начиналась съ устройства школы. Никому какъ будто въ голову не приходило, что крестьяне--прирожденные художники и настоящіе хранители древнихъ традицій. Привычка снисходительнаго покровительства, почти презрѣнія къ ручному труду, мѣшала взглянуть на это

съ вѣрной точки зрѣнія. Съ тѣхъ поръ все измѣнилось и такое отношеніе кажется почти невозможнымъ.

Взгляните на уцѣлѣвшую крестьянскую одежду, которую еще лѣтъ 10—15 тому назадъ можно было видѣть въ дальнихъ деревняхъ и которую и теперь еще носятъ въ нѣкоторыхъ дальнихъ уѣздахъ Симбирской, Рязанской, Орловской, Тульской и другихъ губерній. Тогда, въ началѣ развитія кустарной дѣятельности, эти одежды были гораздо лучше и изобильнѣе, и развѣ онѣ не служатъ конкретнымъ доказательствомъ того, что у крестьянъ болѣе тонкое пониманіе красоты, чѣмъ у «образованныхъ» горожанъ? И развѣ онѣ не свидѣтельствовали о болѣе совершенномъ искусствѣ приготовленія одежды?

Когда я взялась за дѣло, я имѣла очень мало знаній въ этой области. Единственной моей охраной и единственной путеводной звѣздой былъ открытый умъ, жаждавшій учиться, а не учить другихъ и горячая любовь къ крестьянскому художественному труду, которая, кто знаетъ, быть можетъ шла еще отъ старушки няни, искусной рукодѣльницы. Такъ или иначе, любовь къ крестьянскому труду съ дѣтства переплелась со сказочнымъ міромъ, съ блистающими узорами, которые рисовалъ на окнахъ Дѣдъ-Морозъ и которые отражались на теплыхъ оренбургскихъ воздушныхъ платкахъ и на подвѣскахъ кокошниковъ, что красовались надъ соболиными бровями родныхъ красавицъ, и все это сложилось въ дѣтскомъ воображеніи въ реальный міръ красоты.

Нося въ душѣ эти художественные образы, не мудрено, что въ возстановленіи старины и перефразировкѣ ея на новый ладъ, каждая фальшивая нота не давала мнѣ покая. Эту рѣжущую ноту я нашла въ *ложной* современной окраскѣ. Только настоящіе пигменты удовлетворяли меня.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Цѣлыми годами добиралась я до того, что мнѣ было нужно, разыскивала старинные рецепты, испытывала ихъ, собирала обрывки старинныхъ цвѣтныхъ тканей и вышивокъ. Не мало рецептовъ разсыпано по стариннымъ помѣщичьимъ домамъ, въ которыхъ когда-то водилась домашняя окраска и работались ковры, когда многія хозяйки вели записи. Въ тѣ времена это составляло отрасль домоводства и рецепты окраски давались даже въ кухонныхъ книгахъ. Такими спеціальными рецептами когда-то гордились наши бабушки и прабабушки и щеголяли ими. Много рецептовъ записала я отъ мордовокъ и еще больше отъ хохлушекъ, которыя еще умѣли ткать плахты и окрашивать для этого домашнимъ образомъ свою шерсть. Сильно воодушевляли меня слова знаменитаго Вилліама Морриса, сказанныя имъ во время лекціи на первой выставкѣ основаннаго имъ союза «Искусствъ и Ремеселъ» (Arts and Crafts) въ 1889 году въ Лондонѣ. Быть можетъ безъ этихъ пламенныхъ рѣчей маститаго художника, все еще звучащихъ въ моей душѣ, у меня не нашлось бы мужества и долготерпѣнія, чтобы искать и искать безъ конца. Но я была твердо

убѣждена, что то, чего я ищу для своего собственнаго удовлетворенія, послужитъ всѣмъ, кто возьмется за это дѣло, значеніе котораго и сейчасъ еще не для всѣхъ видно.

Наконецъ, въ 1902 году я рѣшилась устроить свою собственную красильню. Я нашла домъ со дворомъ, садомъ, чердакомъ и сараемъ въ 15-ти верстахъ отъ Петербурга. Я пригласила свою дочь-художницу на дѣятельность, въ которой соединялись и завѣдующая, и чернорабочая, и лаборантъ, и истопникъ. Кромѣ того, пригласила еще старушку мордовку и заключила съ нею контрактъ на одинъ годъ. Ея спеціальность была совершенно опредѣленная и довольно узкая. Она красила только шерстяную пряжу въ красный, желтый и зеленый цвѣта. Я могла бы наполнить много страницъ описаніемъ ея работы и обихода, ея понятій и всей ея мудрости. Но должна отказать себѣ въ этомъ художественномъ удовольствіи за неимѣніемъ страницъ. Я наполнила чердакъ березовыми вѣниками, (листья которыхъ даютъ необходимое вещество для нѣсколькихъ красокъ), перестроила кухню, приспособивъ ее для нашихъ цѣлей и наполнивъ ее котлами, горшками и деревянными шайками. Кладовая была обращена въ складъ коры (ольховой, дубовой и т. д.) кореньевъ, сушеныхъ цвѣтовъ вереска и протравъ всякаго рода; гостинная превратилась въ лабораторію и въ ея свѣтломъ углу водворенъ былъ кубъ для индиго. Для этого я воспользовалась самой объемистой винной бочкой, какую могла найти. Она была такъ

высока, что дочери приходилось влѣзать на лѣстницу и мѣшать свое снадобье весломъ. Обыкновенно кубы устраиваются подъ поломъ, т. е. полъ не доходитъ до стѣны, оставляется пространство, въ которое и вдѣлывается кубъ и тогда лѣстницы не нужно, но мы не могли вырѣзать полы въ чужомъ домѣ. Надъ кубомъ прилажено было коромысло для подъема и опусканія окрашиваемаго. Сушильни отдѣльной не было и приходилось сушить во дворѣ, что доставляло намъ безконечныя заботы и безпокойство. Центробѣжная сушилка была бы необходима, т. к. нѣкоторые цвѣта требуютъ быстрой сушки.

Работа началась съ великаго энтузіазма. Энтузіазмъ нуженъ на пути къ открытіямъ, хотя здѣсь дѣло шло объ исчезнувшемъ, когда то громадномъ опытѣ, унесенномъ съ собой въ могилу древними красильщиками.

Каждый день приносилъ новыя затрудненія. Иногда намъ казалось, что у насъ только однѣ неудачи, а между тѣмъ сушильный дворъ становился все живописнѣе и представлялъ изъ себя совершенно необыкновенное зрѣлище; а затѣмъ и складъ началъ наполняться окрашенными тканями, нитками и пряжей, и каждую недѣлю отправлялись тюки этихъ, воскресшихъ послѣ сотни лѣтъ забвенія, матеріаловъ. Тюки эти отправлялись по дальнимъ деревнямъ, гдѣ крестьянки работали по нашимъ заказамъ. Эта новая окраска сразу повернула все производство, вдохнула въ него подлинность и художественность и несмотря

на то, что мы были далеко неудовлетворены результатами, я увидѣла ясно, что вышла на настоящую дорогу. Все, что дѣлалось до сихъ поръ съ помощью покупныхъ цвѣтныхъ нитокъ, бумаги и шелковъ, казалось жидко, ложно, слабо, и представляло не передачу старины, а ея искаженіе.

Царями среди всѣхъ растительныхъ пигментовъ конечно надо признать марену (красный) и индиго (синій). Достаточно прибавить желтый цвѣтъ, чтобы получить всю гамму, т. к. зеленый получается изъ индиго, перекрашеннаго въ желтомъ растворѣ, а всѣ промежуточные тона могутъ получиться изъ этихъ трехъ основныхъ: синихъ, красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ. Желтый пигментъ легко добывается изъ пупавки (Anthemis tinctoria), а также изъ многихъ другихъ растеній (крушина, луковыя перья, верескъ и т. д.). Корень марены, и особенно французской, очень красивъ. Весь какъ бы восковой съ ярко краснымъ сердечкомъ.

Можно смѣло сказать, что никакой другой пигментъ не можетъ сравниться съ мареной по красотѣ тона. Когда-то, до открытія Бунзена, марена была основаніемъ почти всѣхъ извѣстныхъ оттѣнковъ; относительно марены существуетъ цѣлая литература.

Возвращаюсь снова къ жизни нашей красильни. Вопросъ: гдѣ же достать этотъ знаменитый корешокъ, сталъ тревожить насъ все больше и больше по мѣрѣ того, какъ поиски оканчивались постоянными неудачами. Наша старушка мордовка говорила о крестья-

нинѣ, который разъ въ годъ заѣзжалъ въ ея село въ Симбирской губ. и тогда бабы запасались драгоцѣннымъ снадобьемъ. «Пучечками продавалъ... Около Покрова Богородицы онъ все ѣздилъ» говорила старушка, по своему деревенскому календарю считая время храмовыми праздниками. Но откуда этотъ мужичокъ пріѣзжалъ и гдѣ добывалъ свой товаръ—этого она не знала; а мои соображенія о вѣроятныхъ мѣстностяхъ, гдѣ по климату могла расти марена до того ее сбили съ толку и наполнили ея голову такимъ множествомъ мыслей, что больше уже никакихъ разумныхъ свѣдѣній отъ нея въ эти дни получить было нельзя. Да, это не то, что «нажалъ пуговку и дѣло въ шляпѣ», какъ съ анилиновыми красками.

Наконецъ, черезъ длинную цѣпь знакомыхъ «славныхъ малыхъ» и «идейныхъ» людей, «симпатичныхъ» почтмейстеровъ и даже докторовъ и земскихъ начальниковъ, мы протянули ниточку до дальнихъ областей Закавказья, и намъ обѣщали доставить марену. Послали деньги и стали ждать. Ждали лолго и тревожно Надежды то вовсе падали, то снова расцвѣтали. Тѣмъ временемъ дѣлали эксперименты съ крапомъ, съ образцами французской дорогой марены и тѣми «пучечками» марены, которыми запаслась наша старушка, уѣзжая изъ родимаго села во «чужую дальнюю сторонушку» въ первый разъ въ жизни на семидесятомъ году отъ роду.

Ея пучечки дали превосходную, глубокую, красивую краску, ничѣмъ не искоренимую, и работая ею,

наша мордовка ходила «козыремъ», вполнѣ увѣренная въ успѣхѣ, закатывала горшки въ русскую печку съ неподражаемой ловкостью и увѣренностью, закрывала печь, съ яснымъ лицомъ мыла руки, перевязывала наново головную повязку и—садилась пить чай. Она одѣвалась по старинному мордовскому обычаю; темно-красная богатая вышивка на рубахѣ, которая служила въ то же время и платьемъ, въ «пулаѣ» и лаптяхъ, она была такъ живописна, что я часто не могла отвести глазъ отъ ея стройной фигуры и прямо завидовала ей. Завидовала и тому, что она на наши разспросы такъ спокойно говорила: «знамо, и пряла и ткала, и вышивала, и низала и плела поясъ и кисти—все сама». Впрочемъ она про себя всегда говорила «самъ», а про мужчинъ «сама» и «она». Ея вышивка изъ темно-красной шерсти съ очень маленькой примѣсью зеленой, синей и желтой, носилась ею много лѣтъ, пока не рвался холстъ, мылась каждую недѣлю со щелокомъ, а цвѣтъ оставался нерушимымъ. Когда она испытала крапъ, она его не одобрила и очень задумчиво качала головой.

Французская марена, несмотря на красоту и чистоту корня, дала болѣе слабую окраску.

Наконецъ, мы получили около 25 пудовъ марены. Къ этому времени мы уже прошли приготовительные классы и должны были сдаться на доводы нашей красильщицы, что толочь марену *всего лучше* въ деревянной ступѣ самаго архаическаго устройства. Такой ступы конечно въ элегантномъ Петербургѣ найти было невозможно ▪ самая идея о ней сохранилась лишь

въ Билибинской сказкѣ о «Василисѣ Прекрасной». Мы старались доказать ей превосходство металлической ступы; старушка послушно и старательно толкла каждый вечеръ необходимое ей для слѣдующаго утра количество корней марены, но дѣло не спорилось, пока наконецъ не пріѣхала допотопная ступа изъ Симбирской губерніи.

Недавно мнѣ пришлось прочитать о томъ, какъ толкутъ марену въ Голландіи. Оказывается, что и тамъ ступы деревянныя, дубовыя, длиной въ $10^1/_2$ футовъ, а шириной въ 24 дюйма и ступа устанавливается на каменномъ фундаментѣ.

Съ кубомъ было также не мало хлопотъ. Обыкновенно этимъ занимаются мужчины. Ни одна женщина, насколько мнѣ извѣстно, не рѣшалась превратиться въ синильщика, но наша завѣдующая храбро принялась за эту важную отрасль красильни и получала лучшіе результаты, чѣмъ профессіональные синильщики, потому что цѣль послѣднихъ получить только *прочную* краску и этого они достигаютъ обмакивая и высушивая ткань много разъ до тѣхъ поръ, пока она не становилась изсиня—черной. При этомъ имѣется въ виду лишь утилитарная цѣль прочности, чтобы ткань могла мыться сотни разъ и оставаться синей. Мы же задавались цѣлью получить красивый, свѣтло-синій цвѣтъ; сдѣлать его при этомъ прочнымъ— не легкая задача.

Личный опытъ въ этой сферѣ заставилъ меня взглянуть съ совершенно иной точки зрѣнія и на сохра-

нившіеся образцы индиговой окраски въ старинныхъ ризахъ, крестьянскихъ одеждахъ и набойкахъ, которыя приходилось встрѣчать и въ деревняхъ, и въ музеяхъ, и въ монастыряхъ; измѣнился также мой взглядъ на разные способы, практикующіеся по «медвѣжьимъ» уголкамъ Россіи.

Въ заключеніе скажу, что пока въ Россіи не заведутся растительныя красильни, всѣ, такъ называемыя кустарныя работы, для которыхъ теперь покупаются химически окрашенные бумага, нитки и шелка, будутъ производить «лавочные эфекты» и ихъ нельзя будетъ признать художественными, какъ бы хороши не были рисунки этихъ работъ.

Индиго приготовляется изъ сока растенія Indigofera, котораго насчитываютъ болѣе 80-ти видовъ. Въ Россіи больше всего распространено бразильское индиго. О приготовленіи индиго можно прочитать въ каждомъ руководствѣ красильнаго производства въ отдѣлѣ пигментовъ.

Но изъ опыта я знаю, что настоящее индиго совершенно исчезло въ городскихъ красильняхъ и быстро исчезаетъ въ деревняхъ. Его мѣсто занимаетъ искусственное Баденъ-Баденское индиго. Послѣднее очень легко примѣняется, и оно при извѣстныхъ условіяхъ прочно, но красота тона настоящаго индиго не передается. Глаза художника сразу различаютъ этотъ рѣзкій, кричащій тонъ искуственнаго индиго и съ удовольствіемъ и восхищеніемъ останавливаются на тканяхъ, окрашенныхъ настоящимъ индиго, даже когда

ничего не знаютъ и, можетъ быть, никогда не думали о способѣ окраски.

Я много разъ провѣряла такимъ образомъ разницу между искусственнымъ и настоящимъ индиго. Для растительной красильни употребленіе кубоваго индиго есть первая необходимость, т. к. не только его синіе тона много лучше, но и всѣ производные тона не удаются съ искусственнымъ индиго.

Глава VIII.

ИНДУСТРІАЛЬНЫЕ ПОСЕЛКИ *).

„У множества увѣровавшихъ въ спасительность Его ученія было одно сердце и одна душа; никто изъ имѣнія своего ничего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее и все, что у нихъ было, они раздѣлили по нуждѣ каждаго, и каждый день собирались вмѣстѣ и вмѣстѣ принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца". Дѣян. IV. 32.

Въ предыдущахъ главахъ мы старались разобраться въ вопросахъ труда, и главнымъ образомъ въ нашемъ *отношеніи* къ труду.

Гдѣ найти мнѣ слова и выраженія, чтобы перелить въ читателя тѣ картины, которыя открылись мнѣ, лишь только я прикоснулась къ той завѣсѣ, которая

---

*) Вопросъ о мелкихъ земельныхъ надѣлахъ въ Англіи за послѣдніе годы занялъ видное мѣсто. Парламентомъ проведенъ былъ законъ объ оцѣнкѣ ихъ и условіяхъ заселенія. Возникла цѣлая литература. Одна изъ первыхъ книжекъ по этому вопросу была выпущена г. Монтэгю-Фордгамъ (Montague Fordham. Small holdings). Тяга къ землѣ, «Back to the land movement», обсуждалась на всѣ лады и нашла готовую уже почву, такъ какъ громадное наростаніе городовъ вызвало неизбѣжное стремленіе селиться въ окрестностяхъ. Люди стали строить дома и коттэджи въ жидкихъ лѣсахъ и на холмахъ Кента, Мидльсекса, Сöррей; по близости Лондона, стали заводиться «города—сады» (Garden Cities) какъ Летчвортъ и Гамстэдъ. Вокругъ Манчестера, Ливерпуля, Бирмингама и

скрываетъ отъ насъ весь путь, черезъ который трудъ прошелъ въ исторіи человѣчества, скрываетъ его жалкое настоящее и грозное будущее? Думается, не словами надо писать, а огнемъ, чтобы зажечь сердца негодованіемъ и рѣшимостью добиться другихъ условій, другого отношенія, другой болѣе достойной оцѣнки труда, вѣрнѣе выражающей наши народившіеся духовные запросы. Еслибъ уже не было въ сердцахъ этого готоваго горючаго матеріала, то и писать было бы не за чѣмъ. Но онъ уже есть, уже бьетъ ключемъ во всѣхъ странахъ міра въ многообразныхъ формахъ.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что новыя условія труда, новое отношеніе къ нему, неизбѣжно ведутъ и къ новымъ формамъ жизни, къ взаимопомощи, единенію любви и радости. Въ настоящей главѣ мнѣ хочется разобрать вопросъ о трудовой общинѣ

друг. городовъ происходило то же самое. Но это было доступно лишь богатымъ людямъ, такъ какъ землевладѣльцы такъ подняли цѣну на ренту земли, что возможно было только пользованіе землей подъ постройку домовъ, а никакъ не полями. Законъ о принудительной оцѣнкѣ весьма измѣнилъ эти условія, и теперь возникаетъ другой вопросъ, всегда связанный съ сельскимъ хозяйствомъ. Въ большинствѣ случаевъ послѣднее возможно лишь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ большихъ городовъ и при этомъ зима остается неиспользованной, бездоходной. И вотъ люди обращаются къ индустріи, къ тому, что насъ въ Россіи называется промыслами. Начинается новый циклъ болѣе естественной, здоровой жизни. Централизація достигла своего крайняго предѣла и возникаетъ поворотъ назадъ.

или трудовомъ поселкѣ, задуманномъ въ Англіи Международнымъ Союзомъ Ручного Труда.

Идея колоній—общинъ или поселковъ—не разъ осуществлялась въ практической жизни и почти всегда оказывалась несостоятельной. Нѣкоторыя изъ этихъ колоній однако продолжаютъ жить, вылившись, послѣ многихъ треволненій, въ такія формы, которыя удовлетворяютъ ихъ членовъ. Онѣ всегда разбивались, когда не было основной идеи *служенія*—идеи взаимопомощи, когда онѣ собирались подъ вліяніемъ какой-нибудь свѣтлой, могучей личности. Какъ только такой вождь и его личное вліяніе исчезали—вслѣдствіе смерти или раскола—вся схема проваливалась такъ или иначе. Иногда какая-нибудь религіозная идея, отвѣчающая горячимъ запросамъ человѣческой души въ ея исканіи Бога, удерживала въ тѣсномъ союзѣ тысячи людей въ продолженіи многихъ лѣтъ. Шэкеры въ Америкѣ, духоборы въ Канадѣ и многія другія общины въ Россіи, старыя и вновь народившіяся, и многія начинанія такого рода по всему свѣту, свидѣтельствуютъ о неумолчныхъ исканіяхъ новыхъ формъ жизни.

Если у людей есть общій, могучій идеалъ, они прильнутъ другъ къ другу и въ такомъ случаѣ—если даже исчезнетъ вождь, на смѣну ему неизбѣжно явится другой. Если общій идеалъ опирается къ тому же на общихъ экономическихъ интересахъ, связь будетъ вдвойнѣ прочна. Въ сущности, трудно себѣ представить прочную общину, если оба эти условія не лежатъ въ ея основѣ.

Принимая во вниманіе всѣ существующія духовныя исканія, всю готовность лучшихъ представителей этихъ исканій слиться въ одну общую семью,—можно быть увѣреннымъ, что на зарѣ этой зарождающейся новой эры должно выработаться нѣчто очень прекрасное, нѣчто такое, что отвѣтитъ на зародившіеся запросы и избѣжитъ тѣхъ подводныхъ скалъ, о которыя разбивались прежнія схемы; онѣ терпѣли крушеніе потому, что идея служенія, какъ мы ее понимаемъ теперь, тогда еще не созрѣла, и новыя начинанія привлекали не столько людей, способныхъ созидать, сколько безпокойныхъ, крайне индивидуалистическихъ натуръ, которыя мечтали больше о томъ, чтобы получать, нежели о томъ, чтобы давать. Трудъ, который они должны были нести, являлся чѣмъ-то неожиданнымъ и они были къ нему совершенно не подготовлены.
работѣ: ткачей, вышивальщицъ, портнихъ. То же самое и въ убранствѣ домовъ. Кому не случалось видѣть линючія пятна на обояхъ, портьерахъ, скатертяхъ и прочихъ предметахъ, окрашенныхъ современными химическими и минеральными красками. Сколько денегъ истрачено на вѣтеръ!

Правъ былъ В. Моррисъ, который говорилъ, что ничто не можетъ назваться художественнымъ, что сработано на непрочномъ матеріалѣ и основано на линючихъ химическихъ цвѣтахъ. Онъ совѣтовалъ своимъ слушателямъ *), если они не въ состояніи

---

*) Лекція, читанная Моррисомъ на первой Выставкѣ Общества Искусствъ и Ремеслъ въ 1888 году.

вернуть старинный способъ окраски настоящими растительными пигментами, ограничиться натуральными цвѣтами шелка, льна и шерсти, которые даже и безъ примѣси пигментовъ могутъ дать очень гармоничныя сочетанія.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что идеалы лучшей жизни уже создались въ сердцахъ людей, хотя они еще и затянуты дымкой сомнѣнія. Люди склонны думать, что наша бѣдная земля совсѣмъ не мѣсто для райской жизни. Мнѣ лично земля очень нравится, и именно на ней и желательно устроить нѣчто такое, что придало бы истинную цѣнность нашей земной жизни.

Идея индустріальныхъ поселковъ не нова. Въ юности мы всѣ мечтали и читали о нихъ, вздыхали о несбыточности такой жизни и горячо интересовались каждой попыткой осуществить ее. Но мнѣ кажется, что въ настоящее время человѣкъ обладаетъ существеннымъ правомъ не только мечтать о такихъ общинахъ, но и осуществить ихъ.

Развитіе индустріи или промысловъ всегда предполагаетъ общую экономическую почву. Любой индустріальный центръ доказываетъ это на практикѣ, и чѣмъ болѣе взаимной зависимости—взаимо-помощи, скажу я—тѣмъ болѣе они прочны.

Въ долинѣ Роны во Франціи ручное производство издѣлій изъ целлюлоида сгрупировало вокругъ целлюлоидной фабрики массы людей. Въ Россіи ручное ткачество, которымъ заняты тысячи рукъ, расположено

вокругъ прядильныхъ фабрикъ, которыя въ свою очередь выросли на поляхъ, особенно подходящихъ для культуры льна. Шварцвальдскіе рѣзчики разсѣяны среди лѣсного хозяйства Шварцвальда. Уничтоженіе одного изъ факторовъ этой взаимопомощи повлекло бы смерть для сплотившихся промысловъ.

Въ Англіи это распаденіе совершилось уже давно, ручные промыслы сметены, приходится создавать необходимыя условія терпѣливо и любовно; я бы сказала, тѣмъ болѣе терпѣливо и любовно, чѣмъ меньше сохранилось этой любви и терпѣнія въ самихъ работникахъ. Слѣдовательно, необходимо найти тотъ центръ, тотъ цементъ, который бы объединилъ промыслы данной общины; въ этомъ—залогъ ея устойчивости и благоденствія.

Для разныхъ мѣстностей и цементъ этотъ будетъ конечно различный. Необходимо проникновенно вглядѣться въ условія данной страны, въ наклонности и работоспособность членовъ предполагаемой общины, въ ея близость къ сбыту, узнать потребности этого сбыта и на этомъ строить будущую общину.

Въ виду опредѣлившихся уже ремеслъ, какъ ткачество, вышивки и изготовленіе женскихъ нарядовъ, устроителямъ общины представляются слѣдующія соображенія.

Что именно даетъ красоту всѣмъ этимъ издѣліямъ? Ткачеству, вышивкамъ всевозможныхъ родовъ, а также другимъ отраслямъ труда, въ которыхъ участвуютъ портнихи, модистки, декораторы и проч.? Какой са-

мый главный элементъ красоты всѣхъ этихъ многочисленныхъ издѣлій? Неоспоримо: *окраска*. Если въ умахъ читателей явится малѣйшее сомнѣніе въ этомъ, достаточно внимательно разобрать нѣкоторыя детали. Напримѣръ: платье можетъ превосходно сидѣть, быть художественно въ своихъ линіяхъ, можетъ быть сшито изъ дорогой шелковой, шерстяной или льняной ткани, можетъ быть тщательно вышито, но никто не назоветъ эту одежду прекрасной, если окраска его дурна, или, если послѣ прогулки въ солнечный день, оно не только полиняетъ, но даже покроется неожиданными полосами бураго или лиловатаго, сквернаго цвѣта, что бываетъ вслѣдствіе реакціи находящихся въ воздухѣ газовъ на различныя вещества химической окраски, которой окрашены ткани платья, а также шелки или нитки на вышивкахъ, украшающихъ платье. Слѣдовательно, окраска коснулась всѣхъ участниковъ въ

Если устроить растительную красильню, она можетъ служить основой и цементомъ для весьма многочисленныхъ ремеслъ, которыя естественно сгруппируются вокругъ нея. Ткачи будутъ получать свой матеріалъ: шелковую, шерстяную, льняную и бумажную пряжу, окрашенную растительными красками, готовую поступить въ станки. Вышивальщицы используютъ и то и другое, т.-е. и ткани и нитки для своихъ символическихъ рисунковъ античной старины, для которыхъ приличествуетъ прочный матеріалъ, а портнихи и модистки воспользуются ихъ работами, и такимъ образомъ объединится община и въ ней осу-

ществится та взаимопомощь, которая является необходимымъ духовнымъ условіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прочной экономической связью.

Точно такъ же какъ художникъ не можетъ начать писать свою картину, не можетъ показать намъ, что видѣлъ въ природѣ и въ своихъ собственныхъ видѣніяхъ, не имѣя на палитрѣ красокъ, такъ же и ткачъ и вышивальщица не могутъ произвести ничего художественнаго безъ настоящихъ растительныхъ пигментовъ.

Если они въ настоящее время еще могутъ замѣнять поддѣлкой подлинныя окраски, этому настанетъ конецъ. На нашихъ глазахъ происходитъ полная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, люди ищутъ новое искусство, новый родъ жизни, новую литературу, новыя дѣтскія книги и т. д. Ничто, повидимому, уже не отвѣчаетъ запросамъ настоящаго дня. Мы переросли свои заблужденія. Дѣло теперь въ томъ, чтобы найти себя въ возникающихъ новыхъ условіяхъ эволюціи, а это требуетъ всѣхъ нашихъ творческихъ способностей и осуществленія ихъ въ самой жизни.

Наша идея объединенія труда можетъ быть видоизмѣнена. Какъ только люди возьмутся серьезно за эту задачу, ихъ различныя точки зрѣнія, темпераменты и опытъ внесутъ ширину и богатство въ намѣченную схему. Схема эта предлагается человѣкомъ, который долгіе годы мечталъ, испытывалъ и осуществлялъ свои мечты въ одиночествѣ, безъ помощи и поддержки, иногда полусознательно идя къ цѣли, и

вотъ почему его голосъ раздается какъ бы первымъ сигналомъ, за которымъ должны послѣдовать другіе голоса и другія силы.

Допустимъ, что такой индустріальный поселокъ уже осуществился. Онъ расположенъ въ какой-нибудь красивой мѣстности, какихъ такъ много въ Англіи; можетъ быть, совсѣмъ близко отъ большихъ торговыхъ центровъ, среди полей и холмовъ Кента или Чешайра или среди поэтическихъ холмовъ съ историческимъ прошлымъ горной Шотландіи, подъ самымъ Эдинбургомъ или Глазго. Мнѣ живо представляется раннее утро, когда лучи солнца освѣтили проснувшуюся здоровую и счастливую общину, въ которой интеллигентные, свободные труженики живутъ въ мирномъ и любовномъ общеніи. Я представляю себѣ воскресное собраніе, куда пришли и мужчины, и женщины, и дѣти. Всѣ имѣютъ красивый видъ, потому что счастье краситъ; всѣ одѣты просто, но художественно; не видно птичьихъ перьевъ и аршинныхъ булавокъ въ шляпкахъ на подобіе кинжаловъ, которые скорѣе устрашаютъ, чѣмъ привлекаютъ взоры; женщины выглядятъ тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть: олицетвореніемъ привѣтливости и привлекательности для братьевъ и мужей и свѣтомъ для дѣтей. Представляю я себѣ и мужчинъ на этомъ праздничномъ собраніи, освободившихся отъ традиціонной темной, неприглядной одежды и крахмальнаго бѣлья. Тѣ, которые работаютъ въ поселкѣ, выглядятъ сильными и здоровыми благодаря гармоничному труду въ полѣ или мастер-

ской, труду не подневольному, а избранному по собственной иниціативѣ. Лѣтомъ они носятъ льняную или шелковую одежду, зимой—теплое ручное сукно. И покрой, и ткань говорятъ о свободѣ и трудовой жизни, а разнообразный трудъ въ домашнемъ обиходѣ зимой и лѣтомъ придаетъ ихъ тѣлу ловкость, эластичность и цвѣтущій видъ, вполнѣ утраченный современными мужчинами.

Тѣ жители поселка, которымъ больше всего нравится городская дѣятельность, возвращаются домой, можетъ быть болѣе усталыми и поблѣднѣвшими; тяжелыя условія только что оставленнаго шумнаго города сказываются во взглядахъ и движеніяхъ ихъ. Какъ хорошо городскому и деревенскому жителю сойтись въ воскресенье за общимъ столомъ, за общей молитвой или бесѣдой и помогать другъ другу въ дѣлѣ истиннаго товарищества!

Но ремесла и искусства общины не должны ограничиваться однимъ домашнимъ сбытомъ. Опытъ указываетъ на ошибочность такой системы.

Поселокъ, организованный по вышеуказанному плану, будетъ вырабатывать такіе товары, которыхъ *нигдѣ не производятъ;* онъ будетъ имѣть хорошо обставленный складъ въ сосѣднемъ большомъ городѣ и долженъ создать солидную репутацію своимъ произведеніямъ. Правда, въ Англіи почти исчезли ручныя издѣлія, но не настолько, какъ это думаютъ. Тѣмъ не менѣе, придется, можетъ быть, начать съ первой буквы алфавита. Хорошо будетъ построить репутацію

промышленной общины на чемъ-нибудь новомъ и оригинальномъ. На самомъ дѣлѣ, прежнія усилія въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ именно потому, что въ эти усилія не было вложено оригинальной мысли; ручныя издѣлія являлись крохами, оставленными отъ крупныхъ машинныхъ производствъ, поэтому они и занимали всегда самые послѣдніе ряды.

Предлагая, какъ объединяющій центръ для поселка новаго типа, растительную красильню, Союзъ Ручного Труда имѣетъ все это въ виду, и вотъ его главныя основанія:

1) Растительная окраска въ настоящее время сдѣлалась необходимостью, настолько она цѣнится всѣми интеллигентными и художественными людьми. Но фабрика не возьмется за это дѣло, пока не потребуетъ этого большинство, улица. Можно предположить, что вводя растительную окраску, индустріальная община разовьетъ и всеобщій запросъ на нее, а до тѣхъ поръ будетъ выполнять созидательную работу, красота которой признана пока лишь меньшинствомъ.

2) Растительная красильня сдѣлается необходимостью почти для *всѣхъ* ремеслъ Великобританіи, и заказы потекутъ въ общину со всѣхъ концовъ королевства. Могутъ быть и заграничные заказы. До сихъ поръ очень немногіе пользуются растительной окраской и лишь въ очень малыхъ размѣрахъ, которые скорѣе могутъ считаться лабораторными опытами. Не существуетъ ни одной фирмы, которая могла бы исполнять значительные заказы не только на окраску

тканей, но и на пряжу и нитки (шерсть, шелкъ, ленъ и бумага). Поэтому Союзъ Р. Т. полагаетъ, что учрежденіе такого рода можетъ окупиться съ перваго же года... Такой опытъ былъ произведенъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ и существовалъ два года, окупая всѣ расходы и въ теперешнее время окупался бы гораздо лучше, такъ какъ растительная окраска начинаетъ и въ Россіи цѣниться все болѣе и болѣе.

3) Растительная окраска придаетъ красоту и оригинальность всѣмъ второстепеннымъ отраслямъ труда въ индустріальной общинѣ. Выставка, устроенная при Теософическихъ Курсахъ въ 1911 году въ Хелѣ, наглядно доказала это положеніе. Каждый разъ, какъ глаза останавливаются на чемъ-либо особенно привлекательномъ, вы находите, что предметъ окрашенъ растительной краской.

4) Введеніе такой окраски послужитъ не только цементомъ взаимопомощи для поселенцевъ и не только и упрочитъ жизнь общины, но и соединитъ ее съ внѣшнимъ міромъ, такъ какъ всѣмъ нужна хорошая окраска, а достать ее пока нельзя нигдѣ.

Переходя къ внутренней духовной жизни общины, несомнѣнно, что начиная свое осуществленіе съ такими идеалами, она должна отличаться отъ обычнаго коммерческаго скопленія людей и удовлетворять не только запросамъ тѣла, но и запросамъ духа. Духовная сторона нашей схемы новыхъ формъ труда разрабатывается серьезными теософами. Въ такомъ краткомъ очеркѣ трудно изложить тѣ линіи, по кото-

рымъ пойдетъ община; быть можетъ назначеніе ея— сдѣлаться ядромъ новой, праведной жизни, оазисомъ въ пустынѣ капитализма, разносить по свѣту идеи красоты и добра и такимъ образомъ подготовлять условія для того Царства Божія на землѣ, о которомъ не перестаетъ мечтать наше сердце.

Надо думать, что первые года общины, когда необходимо будетъ достигать каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ обезпеченности каждаго и процвѣтанія всей общины, когда придется нести карму многихъ вѣковъ несправедливости и эксплоатаціи человѣческаго труда и разбивать тяжелую цѣпь, выкованную капитализмомъ,—общинникамъ нельзя будетъ ограничиться утренними часами труда, и наиболѣе сильные должны будутъ возвращаться къ занятіямъ, прерваннымъ обѣдомъ и короткимъ отдыхомъ. Но въ 6 часовъ вечера всѣ веселой гурьбой пойдутъ къ своимъ жилищамъ или къ мѣстамъ общественныхъ сборищъ подъ тѣнь большихъ каштановъ, а зимой подъ защиту обширнаго шатра.

Они будутъ ужинать всѣ вмѣстѣ, какъ мнѣ представляется, но не иначе, какъ по доброй волѣ, такъ какъ въ общинѣ будетъ царить полная свобода и никакихъ стѣсненій индивидуальности не должно существовать. Маленькія семьи или холостые люди найдутъ, можетъ быть, удобнымъ объединиться въ группы для совмѣстнаго обѣда, тогда какъ большія домовитыя семьи могутъ предпочитать свой семейный кругъ.

Останавливаясь на мысли о духовномъ настроеніи будущихъ поселковъ, невольно вспоминается радост-

ное сознаніе братства, царившее среди теософовъ, изъ числа которыхъ вышли и создатели *Международнаго Союза Ручного Труда,* среди той группы, которая собирается въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ на лѣтніе курсы, возникшіе впервые въ Вейбурнѣ въ 1909 году.

Хотѣлось бы вѣрить, что энтузіазмъ этой группы и свѣтлое чувство тѣснаго товарищества, воодушевлявшаго ее, проникнутъ и въ будущіе поселки, и создадутъ тамъ то праведное отношеніе къ труду, безъ котораго невозможно истинное обновленіе человѣческой жизни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Имѣются въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ слѣдующія книги по теософіи:

